

Андрей Николаевич Басов

Сказки старого дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8387593

ISBN 978-5-4474-0262-4

Аннотация

Приключения жильцов старого петербургского особняка в физически существующих мирах собственной мечты и фантазии.

Содержание

Пролог	6
ГЛАВА 1: Фантазёры	7
ГЛАВА 2: Новелла о принцессе	12
ГЛАВА 3: Новелла о сумасбродном изобретателе	36
ГЛАВА 4: Новелла об охотнике на пиратов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сказки старого дома

Романтическая фантазия

Андрей Басов

Памяти Аркадия и Бориса Стругацких

© Андрей Басов, 2014

© Евгения Шевкаленко, иллюстрации, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Сейчас мало пишется таких книг, как, например, «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Кто читал эту повесть, наверное, обратил внимание, что её интрига построена не на враждебном противостоянии, страхе, малопонятном и запутанном колдовстве, а на метаморфозе вполне обыденной ситуации в сказочный, фантастический вид. Читается одним духом. А если ещё вспомнить чудесные городские сказки и лёгкую, романтическую фантастику Вадима Шефнера...

Вот и пришла мне в голову мысль хотя бы отчасти поддержать такую почти утраченную форму доброй фантастики в современной литературе. В предлагаемом романе «Сказки старого дома» совершенно не противоречиво сосуществуют и обычное житейское бытие, и сказочная принцесса, и загадочная электрическая машина, и заговор во времена мушкетёров, и пираты южных морей, и Багдад Гаруна-аль-Рашида... Ну, и, конечно же, лёгкий юмор и романтическая, не превращённая только в физиологический секс любовь людей, разделённых веками.

Перед вами книга любопытных положений, ситуаций для любителей интеллектуально завязанных сюжетов, выпутаться из которых герою помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики, возможно, получат эстетическое удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, — ещё и приятные сны!

Андрей Басов

Пролог

У Высоцкого есть чудесная песня о старинном московском доме, который ещё Наполеон застал. Наш же дом совсем не в Москве, а вовсе даже в Питере, да и возрастом несколько моложе, но что-то родственное между ними как бы есть. Или было? Ведь московского песенного старожила архитектуры постигла печальная участь сноса, а наш старый, необычно высокий, четырёхэтажный особняк пока ещё цел. Хотя уже и погрузился в землю почти до подоконников первого этажа. Выглядит он уже как-то иначе, чем раньше, и называть его своим могут не все. Да и некоторых из нас-то там уже нет. Но какая-то незримая, непонятная, чуть ли не метафизическая¹ связь у меня с ним никогда не рвётся.

Обычно эта связь о себе ничем не напоминает и не докучает. Но иногда всё меняется, стоит только быть где-то рядом, хоть на любой из соседних центральных улиц на расстоянии не более полуверсты от своего обиталища. Будьте уверены, что ноги сами повлекут меня в этот момент к нему чуть ли не помимо совершенно ясного сознания. Я чувствую, когда он зовёт меня, и почему-то понимаю, что я один из немногих жильцов, с кем он хотел бы поговорить. Да-да, именно поговорить. Не словами, конечно.

Когда я останавливаюсь перед ним, то шум улицы уходит куда-то далеко-далеко и в наступившей тиши в голове возникают какие-то необычные, не совсем ясные образы. Они могут быть светлыми и быстрыми. Значит, дом рад, что я здесь. А могут быть медленными и темными. Это значит, кто-то из нас – бывших и желательных для него – ушёл навсегда. Словно в немом, но цветном кино мелькают знакомые лица, события, пролистываются годы, и чувствуется чьё-то, не только своё щемящее сожаление о прошлом, которое нельзя повторить.

Искра странного могущества всегда ощущается в нем. Словно это душа самого Дома. Как в песне Высоцкого. Или каким-то образом собравшиеся вместе крупинки душ некоторых людей, живших когда-либо в нем. Важно понимать, что данному строению не название – дом, а имя ему Дом. Каким сделал его великий учёный и мастер, бывший владельцем Дома во времена оны. Иначе и нельзя воспринимать это вместилище очень странных, удивительных, а подчас и просто фантастических событий, свидетелем и участником которых мне пришлось быть.

¹ Метафизика – учение о сверхчувственных принципах и началах бытия.

ГЛАВА 1: Фантазёры

Обычно чужие жизнеописания читать скучно. Поэтому я не буду никого ими мучить. Но хоть что-то ведь нужно же знать о действующих лицах. Потерпите чуть-чуть. Их, то есть нас, немного. Но каждый играет важную, уникальную роль в событиях. Событиях очень разных и очень зависящих от характеров участников.

Как ни странно, но, наверное, одним из самых интересных и колоритных обитателей Дома является дворник – татарин Ахмед. Одиноким, добрым и сговорчивым, с не соответствующим характеру лицом то ли оперного злодея, то ли киношного образа ордынского хана. Однако когда узкая бородка и усы расплываются в улыбке, то добрее лица, пожалуй, и не сыщешь. Он уже старик и, наверное, всю жизнь провёл при доме.

Ахмед, как и другие как бы коренные жители Дома, недолгоблизает случайных поселенцев дворовых флигелей, почти регулярно сменяющих друг друга. От них сплошное беспокойство в виде шума, скандалов, а иногда и пьяных драк. Совсем другое дело мы – тихая публика из «барской» парадной.

Каким-то странным и совершенно незаметным образом Ахмед иногда исчезает на несколько дней и столь же внезапно и непонятно возвращается. Нет событий отъезда и приезда. Можно ради интереса затеять круглосуточное бдение около Дома и не увидеть возвращающегося откуда-то Ахмеда. Он просто выходит из своей квартирки на первом этаже. Хотя вы убеждены, что, скажем, ещё час назад его там наверняка не было. По какой-то причине домоуправ из ЖЭКа никогда не допытывается о причине отсутствия этого работника на месте службы. Рабочие дни Ахмеду ставятся исправно в отличие от неизбежных прогульщиков-пьяниц из других домов. Это похоже на молчаливое признание незаменимости Ахмеда именно здесь, в этом Доме.

Как-то совершенно случайно я обнаружил некую закономерность в исчезновениях Ахмеда. Не могу поручиться, что так происходит всегда, но Ахмед совершенно точно исчезнет на следующий день после того, как я замечаю его во дворе или на улице разговаривающим с Анной Петровной из квартиры ниже нас этажом.

Анна Петровна... По всему видно, что в своё время она была редкой красавицей. Даже сейчас трудно оторвать взгляд от её необычного лица и пронизательных глаз. Загадочная личность. Даже для моей мамы и бабушки. Анна Петровна явно намного старше мамы, но, кажется, что и намного младше бабушки. Однако о прошлой жизни Анны Петровны ни та, ни другая ничего не знают. Анна Петровна уже была здесь, когда наше семейство вселилось в Дом. Анне Петровне принадлежит единственная в Доме полноценная отдельная квартира с балконом на улицу.

Пожалуй, это то место, где ещё сохранился барственный уклад старого особняка. Не тронутая краской и обоями великолепная лепнина стен и потолков. Прекрасный мраморный камин с бронзовыми часами в средней из трёх анфиладных комнат. Потемневшие от времени картины и множество фотографий дам и кавалеров в причудливых костюмах прошлого века. Всё это я увидел мельком, случайно, взявшись починить испортившийся выключатель. А так я и не слышал, чтобы кто-то из других жильцов мог похвастаться тем, что под каким-то предлогом получил приглашение войти в квартиру Анны Петровны. Даже роль водопроводчика для Анны Петровны исполняет Ахмед. Но Ахмед почему-то боится электричества.

Нельзя сказать, что Анна Петровна замкнута и необщительна. Совсем нет. Она служит переводчиком в каком-то издательстве и хотя бы в силу работы не может быть не общительной. Я не раз видел её и маму стоящими на лестничной площадке или на улице и о чём-то оживлённо болтающими на немецком языке. Другое дело, что, наблюдая Анну Петровну,

чётко чувствуешь дистанцию, границу которой не следует переходить ни в разговорах, ни в поползновениях на поступки. Если Анна Петровна никогда и никого не приглашает к себе, то не следует и ее приглашать никуда. Вежливый, но категоричный отказ заведомо предскажем.

Однако тут скрываются и более странные, загадочные вещи, которые наблюдательный человек когда-нибудь да приметит. Из квартиры Анны Петровны может выйти вполне обычный мужчина или женщина. Но не в том суть. Странность в том, что никто не видел, как они туда заходили. А я, правда, редко, но не раз видел Анну Петровну в магазине, закупающую против обыкновения продукты в невообразимом для одинокой женщины количестве. А ведь гости-то к ней не пребывают. Во всяком случае, мы их не видим.

Правда, живут в «барской» парадной и люди, которых Анна Петровна всё же изредка, но совершенно открыто удостаивает краткими визитами. И один из них – моряк.

Капитан дальнего плавания... Никто не зовёт этого крепко сбитого, почти пятидесятилетнего мужчину с волевыми чертами лица по имени и отчеству. Для всех он просто Капитан, а для меня ещё и сосед по лестничной площадке. И не видно, чтобы такое не очень церемонное обращение его как-то возмущало или хоть сколько-нибудь расстраивало. Даже со стороны мальчишек, к числу которых относился и я, – казалось бы, совсем недавно. Иногда, когда Капитан дома, мама приглашает его к нам посидеть – поболтать о чем-нибудь. На что он всегда с удовольствием соглашается.

Капитан всегда где-то далеко и оказывается дома лишь три-четыре раза в год на неделю-две. Он привозит с собой очередные диковинки дальних стран, и это служит поводом без особых сомнений, по-соседски заглянуть к нему на огонёк. Две вместительные смежные комнаты заставлены и завешены всякими чудесами. Тут и старинные навигационные инструменты. И чучела неведомых рыб. И ритуальные маски колдунов и шаманов разных стран. И старинные карты, карты, карты с необычными очертаниями материков и тонкими рисунками парусных кораблей, стихий и морских чудовищ.

Сначала – само собой, восторги по части пополнения коллекции и очередное любовование ей всей. Затем мы молча сидим, слушая тихую музыку «Битлз», к которой оба неравнодушны, несмотря на двойную разницу в возрасте. Капитан есть Капитан, а какой капитан может быть без трубки? – и тонкий аромат экзотического трубочного табака сопровождает наше наслаждение музыкой.

Иногда он рассказывает что-нибудь примечательное и интересное. Но чаще мы просто молча сидим без всяких откровений. Только как-то раз я задал ему, в общем-то, вполне обычный вопрос:

– Капитан, а что вас подвигло стать моряком?

Он засопел носом так, что из трубки полетели искры. Долго молчал, а потом спросил:

– Ты хочешь знать правду или готов услышать о какой-то голубой мечте детства?

Тут и я как-то немного растерялся, но всё-таки заявил:

– Правду.

– Ну, правду так правду. Ты уже взрослый, не глупый, наблюдательный уже не вьюноша, но муж и, конечно же, заметил, что наш Дом в чем-то не совсем обычен по сравнению с другими.

– Заметил.

– Вот он меня и подвигнул в сторону моря где-то лет тридцать с чем-то тому назад. Мне тогда было не больше четырнадцати.

– Как это?

– Я и сам тогда ничего не понял. Просто в летний день сидел на крыше, мечтал – и вдруг стало происходить нечто странное...

Тут у меня в голове словно что-то включилось. Я тоже люблю лазать по крышам. Равно как и по таинственным подвалам и чердакам. Причём мальчишеская страсть не угасла с возрастом. Просто стало меньше свободного времени и, соответственно, возможностей. Несколько лет назад я блаженствовал июньским днём на нашей крыше. Дул ласковый западный ветерок с запахом моря. На Петропавловке бухнула полуденная пушка. Я закрыл глаза и представил себя плывущим на парусном корабле. Вдруг доносящиеся звуки улицы и двора как-то полностью угасли. Вместо них я слышал плеск волн, хлопанье парусов и скрип снастей – так громко и отчётливо, словно находился среди всего этого. Возникло ощущение потери опоры и медленного подъёма куда-то вверх. Я испугался и открыл глаза.

Шум улицы мгновенно вернулся, и крыша подо мной – тоже. Всё это я и пересказал Капитану.

– Вот-вот, так оно и было. Только в отличие от тебя я не испугался и не открыл глаза прежде времени. Потому теперь и Капитан. Больше ничего не спрашивай. Где-то там у каждого своё...

Мы опять замолчали. В коридоре изнемогающе затрещал старый, чуть ли не ровесник Дому звонок, и кто-то из соседей протопал открывать. Стук в дверь. Заглядывает Анна Петровна.

– Капитан, можно вас на пару слов?

Они уходят в соседнюю комнату. Проходит минута ожидания, и они возвращаются. Анна Петровна с интересом смотрит на меня, словно хочет что-то сказать, но не решается. Прощается и уходит. Капитан прерывает молчание:

– Серёжа, тебе рано или поздно придётся поговорить с Учителем о нашем доме и о тебе самом.

Опять звонок в коридоре и стук в дверь. Теперь мама приглашает нас с Капитаном обедать.

Учитель... Ну, конечно же, для кого-то он и учитель, раз преподаёт в школе русский язык и литературу. Для нас же он просто сосед из квартиры выше этажом. Александр Басков тридцати с небольшим лет. Учитель – это его как бы краткий псевдоним, прозвище в нашем Доме. Не так давно я случайно обнаружил его литературные работы в Самиздате. Мысли еретика времён застоя. Интересно. Понятно, почему издавать его никто не стал бы.

У Александра есть близкий друг. Художник-сюрреалист Игорь Тюльпанин. Так что все стены в комнате Александра увешаны картинами довольно странного, неправдоподобного содержания, но вместе с тем удивительной и притягательной красоты. Я часто сижу среди этого колоритного великолепия и молча созерцаю просто фантастические сюжеты. А Александр тем временем корпит над ученическими тетрадями или пишет что-то своё. Однако сегодня он явно озабочен чем-то другим. Хочет что-то мне сказать, но словно не знает, с чего начать. Наконец он решается:

– Ко мне сегодня заходил Капитан. Говорили о тебе, – и снова замолкает. Я тоже молчу. Интересно, что они задумали?

– Понимаешь, ситуация очень необычная, и я бы даже сказал, что тебе поверить в неё будет, скорее всего, непросто. Хотя здесь слепая вера в чьи-то слова не требуется. Ты сам в любое время можешь проверить их справедливость в натуре, – он снова немного помолчал и продолжил:

– Наш Дом живой, – и взглянул на меня, проверяя реакцию на свои слова. А я всё молчу, словно внезапно слегка оцепенел.

– Не в том смысле, что Дом – живое существо подобно тем, какие нам известны. Нет, но он каким-то образом может общаться с людьми. Правда, далеко не со всеми. Он сам выби-

рает, с кем. Но если кого-то изберёт, то этот кто-то начинает обладать возможностями, которые противоречат всем канонам физики.

– Ты хочешь сказать, что Дом сознательно выбирает для контакта с ним кого-то из обитателей? – спрашиваю я лишь ради того, чтобы не молчать. Уже и сам о чем-то догадываюсь. – Кого?

– Ну, не знаю, насколько сознательно и по каким критериям, но, пожалуй, выбирает. Например, Анну Петровну, Ахмеда, Капитана, меня и, судя по всему, ещё и тебя. Причём довольно давно. Ты ещё мальчишкой был.

– Приключение на крыше?

– Именно.

– Саша, но ведь то, что ты говоришь – это фантастика.

– Не спорю на счёт явной фантастичности. Вопрос в другом – в достоверности внешне фантастичного. А я ведь тебе ещё далеко не всё сказал, а ты сам ещё ничего не пытался проверить.

– Ладно, ладно, но извини, принимаю пока только как гипотезу. Я хоть и весьма молодой специалист, но технарь, безбожник и не могу идти вдруг против впитанных знаний и здравого смысла. Крой дальше.

– Можешь не извиняться. Мой скептицизм лет семь или восемь назад ничем не отличался от твоего, когда Капитан вознамерился меня просветить.

– Так с него вся история и начинается?

– Нет.

– С Анны Петровны?

– Вряд ли. Если верить Анне Петровне, то она лишь отдалённый потомок дореволюционных владельцев особняка. И оказалась в нашем Доме в начале 60-х лишь благодаря счастливой случайности. Ныне покойного мужа перевели из Москвы на важную должность в Горкоме, и он мог выбирать, где жить. Сам понимаешь, кто на самом деле выбирал. Квартира пустовала с блокады.

– Остаётся только Ахмед.

– Ну, он-то уж совсем не при чём.

– Но хоть какое-то начало у истории должно же ведь быть?

– Конечно, должно, но мы не знаем ни что за начало, ни когда и почему началось. Просто у некоторых людей, поселившихся в Доме, через некоторое время интересным образом развивается воображение.

– Галлюцинации?

– Галлюцинации аморфны и бестелесны. На самом же деле Дом позволяет достигать осязаемости сознательного воображения. На сны это почему-то не распространяется. Если ты наяву находишься во власти воображения, а рядом никого постороннего нет, и ничего отвлекающего вокруг не происходит, то, сделав небольшое мысленное усилие или иногда даже без него, можешь войти в воображаемый, но уже осязаемый мир.

– Не так уж много и не так уж ново. Про путешествия во времени и параллельные миры уже понаписано столько...

– Дом даёт мир только твоего воображения. А не параллельный нашему или находящийся в другом времени.

– В фантастической литературе и этого полным-полно. Садись в какую-нибудь хитроумную машину. На тебя напяливают колпак с проводами, и ты проваливаешься в иллюзии до тех пор, пока тебя не разбудят.

– Неудачная аналогия. В Доме нет колпаков с проводами. А из иллюзии ты ничего не принесёшь, кроме воспоминаний в лучшем случае.

Я чуть не прикусил язык:

– Ты хочешь сказать...

– Да, из своего мира можно приносить предметы и не только. Предметы небольшие и немного. Скорее на память, чем для использования и никогда не ради корысти. А с другой стороны, можно привести и любое живое существо, а потом или отправить обратно, или оставить здесь. Сам же ты, если пожелаешь, можешь навсегда остаться в мире своего воображения, но здесь ты исчезнешь, как без вести пропавший. Когда ты там, то твоего тела здесь нет. Чтобы вернуть его сюда, нужно всего лишь представить себе в воображении Дом.

– И пропадали?

– Анна Петровна говорит, что на её памяти таинственно исчезли двое жильцов.

– А отсюда туда можно отправить людей со стороны?

– Сам я даже и не пытался. Зачем отправлять кого-то в свои мечты? Хотя подозреваю, что Анна Петровна посылает по своим делам куда-то туда Ахмеда.

– Стало быть, и коллекция Капитана...

– Спроси у него сам.

– Знаешь, переварить такое всерьёз... Ты прости, но уж очень сильно пахнет розыгрышем.

– А ты не спеши. Само как-нибудь утрясётся. Только не трепись, не болтай, если не хочешь прослыть сумасшедшим. И не забывай, что это не книжные игры со временем и сколько ты будешь там, столько тебя не будет здесь. Помни о тех, кто тут рядом с тобой. Ступай, мне ещё кучу тетрадей проверить нужно.

– Ну и уйду. А в гипотезе воображаемых миров есть громадная дыра. Осязаемость предполагает если и не доступность их для всех, но уж во всяком случае наблюдаемость в пространстве. Кто и где видел эти внезапно возникающие и исчезающие объекты?

– Ступай, ступай технарь несчастный!

Технарь... Это я. Благополучно состоявшийся в Электротехническом институте инженер-технолог. В НИИ, куда меня распределили, звёзд с неба ещё не нахватал, но и пренебрежения со стороны коллег не ощущаю. В нашей науке важно блюсти святость триединства пространства и времени. Времени начала рабочего дня в нашем НИИ на Петроградке, времени начала обеда и времени окончания рабочего дня. Я блюду. Стало быть, карьерными продвижениями меня не обойдут.

Дома я – счастливый обладатель каморки три на пять метров с окнами во двор. Мне её уступила бабушка, поменяв свои хоромы на мою койку в маминых двухкомнатных апартаментах. Подарок к окончанию института. Жив.

Да, умею немного рисовать. Поэтому всегда таскаю с собой потрёпанный блокнот и мягкий карандаш. Иногда, чуть ли прямо не на ходу делаю напоминающие о людях и событиях зарисовки. Больше ничем примечательным я себя не запятнал. Так что следовало бы перейти к описанию других жителей Дома, включая родных, но в этом нет смысла. В дальнейших событиях они прямого участия не принимают.

ГЛАВА 2: Новелла о принцессе

Нельзя сказать, что я вернулся домой от Александра хоть сколь серьёзно озадаченным. Ерунда всё это какая-то. Хотя, с другой стороны, зачем Александру с Капитаном меня разыгрывать? Да и необычным событиям в Доме даётся хоть какое-то объяснение. Фантастичное, но одновременно и в чем-то логичное. Ладно, есть на сегодня дела поважнее размышлений о происхождении и последствиях вещих снов. Сегодня суббота. Бабушка просила притащить картошки с Мальцевского рынка.

Притащил и получил в награду самый первый румяный и горячий пирожок с капустой. Обедение!

Вечер после ужина – у нас в семье традиционно самое подходящее время для чтения. Для тех, кто дома, разумеется. Кроме телевизора, конечно, затмевающего любые культурные традиции. Я дома, но углубляться в литературу и скуку ТВ что-то не тянет. Сходить к Капитану? Он ещё два дня будет дома. Так я вчера у него был. Позвонить Ленке? Так она надула меня с билетами на джаз. Буду обиженным – и всё тут! Машинально рассматриваю свои полиграфические богатства на книжных полках. Здесь вся красота развлекательных и познавательных книг от первого класса школы и до совершенно случайно вчера приобретённого сборника фантастики братьев Стругацких.

Провожу пальцем по корешкам. Всё вперемешку. «Витя Малеев в школе и дома», Маршак, а рядом Вальтер Скотт. «Приключения капитана Врунгеля», а рядом томик Стендаля. Рей Брэдбери, а рядом... Как раз то, что нужно сейчас. Вытаскиваю на свет сказки Андерсена в красочной глянцевой обложке. На картинке краешек леса небывалой красоты, юная принцесса с маленькой, золотой коронкой на белокурых волосах, парочка гномов и вдалеке на пригорке миниатюрный замок с башенками и красными остроконечными крышами. С каким-то детским восторгом с минуту разглядываю изображение. Затем, чувствуя себя последним идиотом, закрываю глаза и, представляя в мыслях этот сказочный сюжет, стою неподвижно минуты две.

Ничего не происходит. Ну, совсем ничего! Вот простофиля! Надо же купиться так бездарно на, в общем-то, прозрачную подначку! Хотя тут же соображаю, что эксперимент проведён не чисто. Картинка – это чужое воображение, а должно быть своё собственное.

Чувствуя себя уже дважды последним идиотом, опускаюсь в кресло, закрываю глаза и начинаю строить свою картинку. Тоже лес неподалёку, но не замерший, как на картинке, а полный звуков с деревьями, шевелящими листвой. Бесконечное поле травы и полевых цветов, колышущихся от лёгкого ветерка. Стрёкот и жужжание. Запах разогретой земли и растений. Голубое небо в редких облачках и слегка припекающее солнце. Журчание ручейка и он сам, извилистым путём пробирающийся среди бугорков и редких камней...

Возникло знакомое, давнишнее ощущение потери опоры и движения вверх. В голове мелькает паническая мысль о высоте третьего этажа, с которой можно сверзиться вниз, потеряв пол под ногами. Всё равно глаза не открою! Раньше времени. А когда будет «не раньше времени»? Уже не пойму, в воображении или в натуре слышу стрёкот и жужжание насекомых и плеск ручейка. Дуновение тёплого ветра шевелит волосы. Но ведь ветра-то не может быть в комнате! Значит, пора. Медленно, с каким-то трепетом открываю глаза.

Сижу на пятой точке среди травы и с книгой Андерсена в левой руке. Трава выше головы, и обозрению открываются лишь голубое небо и верхушки деревьев леса. Кладу книгу рядом с собой и приподнимаюсь на колени. Действительно, лес рядом, холмистое поле до горизонта, ручеёк в двух шагах и низко над землёй вечернее солнце. Но ни принцессы, ни замка – недопридуманы. В полном обалдении протягиваю руку и срываю синий колоколь-

чик. Стараюсь понять произошедшее. Да, действительно, Дом. Неужто не ввали? Как говорил Александр? Нужно чётко его себе представить.

Ой, что это я сделал? Мгновение какого-то серого тумана – и я оказываюсь опять в своей комнате, стоя на коленях рядом с креслом. Книжки же Андерсена при мне нет. Интересная картина открылась бы кому-нибудь внезапно вошедшему в дверь. Великовозрастный оболтус стоит на коленях посреди помещения и взглядом душевнобольного изучает полевой колокольчик в судорожно сжатом кулаке.

Всю последующую неделю, неукоснительно соблюдая днём триединство пространства и времени в науке, вечерами разрабатываю план мероприятий следующего эксперимента. Капитан отбыл в голубые дали. Александр озабочен экзаменами в школе. Хотя при мимолётной встрече на улице он всё понял по моей физиономии и сочувственно дружески подмигнул. Царственная же неприступность Анны Петровны не позволяет обратиться к ней по-свойски с вопросами. Ахмед? Нет, слишком разные мы с ним. В общем, посоветоваться не с кем.

Первым делом нужно на выходные сплавить куда-то маму и бабушку. Это развяжет руки в плане времени незаметного отсутствия. Мелькает мысль, что одиночество других избранных Домом намеренно ими поддерживается, чтобы иметь хотя бы относительную свободу исчезновений. У меня такой свободы нет совсем. На это, наверное, как раз и намекал Александр, говоря о тех, кто рядом со мной.

С проблемой я справился, подговорив маминого брата. Он даже не поинтересовался, с чего бы это у меня вдруг возникла такая трогательная забота о близких родственниках. У дяди неплохая дачка на Финском заливе, и он, не раскрывая моего заговора, согласился умыкнуть маму с бабушкой на выходные.

Теперь нужно решить, что воображать. Природа уже есть. С кого скопировать гуляющую далеко от дома принцессу? И гуляющую ли? Во что одеть? Замок нужно представить детально или достаточно общего образа? Каковы возможности Дома по части достоверности деталей в человеческих мечтах? А вообще-то – почему именно замок? Для колорита и приключений больше подойдёт целый город с дворцом. А добрые гномы и сказочные злодеи? Уйма вопросов и проблем, которые нужно решить заблаговременно.

А ведь совершенно глупое безобразие – пытаться планировать и решать сказку для души как научный эксперимент. Ни сказка, ни романтика не терпят детальной мелочности и исследовательского цинизма. Если я буду разрабатывать технологию приключения, то это уже не будет приключением. Решено! Генерирую просто образ мира, и дальше всё по обстоятельствам. Уж как получится. Наверное, главное – это первый момент. Нужно включить сам мир и хотя бы основных действующих лиц. А там уж пусть они поступают, как сами захотят.

Утро субботы. Мама с бабушкой отбыли накануне на дачу. Всю ночь ворочался, размышляя о грядущем путешествии в свои собственные, ожившие мечты. Интересно, а чем я там стал бы жить? В сказке моя специальность не нужна. Хотя, с другой стороны, у меня есть руки и знания, чтобы делать полезные машины. Но это хорошо при долгом пребывании. Но не идти же грабить на большую дорогу! Так что проблема денег для расчётов, скажем, за ночлег, еду, одежду в не похожем на наш мире, остаётся висящей в воздухе.

Быстро завтракаю, облачаюсь в почти новый серо-голубой джинсовый костюм и очищаю карманы от подозрительных с точки зрения древности вещей. Ничего более подходящего для средневековья в моем гардеробе нет. Ну, хотя бы носовой платок – всегда и везде платок. Беру с собой блокнот для рисунков и карандаш. С Богом! Встаю посреди комнаты и закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец...

Стою точно на том же месте, что и в прошлый раз. Слева лес, чуть позади ручей, сверху солнце, а впереди всё тот же захватывающий душу слегка холмистый ландшафт. Правда, мизансцена заметно оживилась. Видны обработанные поля и симпатичные домики с хозяйственными пристройками среди этих полей. На самом обширном и дальнем холме раскинулся город, обнесённый крепостной стеной. Отсюда видны даже крыши домов и извилистые линии улиц. Печной дым над крышами...

От города прямо сюда и далее вьётся немощёная дорога с разъезженной колеёй. Неподдалёку на дороге стоит разукрашенная резьбой и золотом темно-красная карета с огромными задними колёсами, запряжённая четвёркой вороных лошадей. Двое ливрейных слуг суется около неё. Один копается в сундуке, прицепленном позади кареты, а другой проверяет упряжь лошадей.

Это ж надо так глупо недодумать! Совсем упустил из вида, что принцессы-то пешком не ходят! Но я ведь карету не задумывал, а она есть. Стало быть, карету добавил сам Дом. Такое корректирующее обстоятельство очень обнадеживает.

Принцесса стоит вполоборота в пяти шагах от меня и с увлечением листает моего Андерсена, внимательно рассматривая картинки. Я её такой себе и представлял. Белокурый ангел лет шестнадцати-семнадцати в пышном розово-голубом платье с богатой вышивкой, кружевами. Я сделал шаг, и шелест травы выдал моё присутствие. Ангел обернулась и, прижав книгу к груди, без малейшего признака испуга уставилась на меня голубыми, чуть темнее неба глазами. Есть лишь некоторое удивление при разглядывании моего костюма.

Мне нужно срочно сказать что-то приличествующее случаю. Сдавленно произношу: – Здравствуйте, – и, указывая пальцем на Андерсена, добавляю: – Это моя книга.

Черт, надо же такое ляпнуть самой принцессе! Хотя и ситуация не для дворцового этикета, которого я, кстати, и не знаю. Судя по пониманию в глазах ангела, она не отрицает какого-то моего отношения к книге, но и отдавать её тоже не собирается. Губки сложились в очаровательной улыбке, и мелодичный голосок произнёс что-то совершенно непонятное, но, судя по интонации, вопросительное.

Я просто опешил от неожиданности. Полный провал моей то ли познавательной, то ли романтической миссии! Надо же так опростоволоситься в настолько важном обстоятельстве, что даже сам Дом не решился на корректировку. Принцессы и их подданные не говорят по-русски! Они могут изъясняться на датском, французском, немецком, английском языке, но только не на русском. На русском говорят царевны.

Не дождавшись от меня ответа, ангел резво развернулась, не отпуская книги, подобрала юбки, и совсем не по-королевски стремительно припустила бегом к дороге. Слуги ждали её у кареты, глядя в мою сторону. Добежав, она что-то приказала одному из слуг, указывая на меня. Тот извлёк из кареты какой-то небольшой предмет, поболтал им в воздухе, показывая мне, бросил в придорожную траву и взгромоздился на козлы. Другой слуга помог принцессе сесть в карету, убрал подножку, захлопнул дверцу и вскарабкался на запятки. Карета запыхала по дороге к городу. Мне только показалось или на самом деле изящная ручка помахала мне из окна кареты?

Какое гнусное фиаско! А так хорошо всё началось... Теперь же понятно, что без знания местного языка мне тут и делать нечего. Может, попробовать хоть как-то исправить ситуацию? Нравится мне здесь! Дом, Дом, где ты, Дом...

Опять я в своей комнате. Глубокий вздох. Снова закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец, РАЗГОВОР, ЯЗЫК...

Вокруг всё, как и прежде. Карета катит к городу почти от того места, где она была, когда я вышел из этого мира минуту назад. Значит, каждый мой визит в этот мир будет непрерывным продолжением предыдущего? Было бы здорово! Хотя вряд ли. Александр сказал, что

здесь нет игр со временем. Время дня в нашем мире совпадает со временем дня в воображенном. Только эпохи могут быть разными. Стало быть, если бы я вернулся сюда не через минуту, а через час, то кареты уже не увидел бы. Уехала бы. Получается, что в промежутках между моими визитами здешний мир будет продолжать жить сам по себе. Наверное, не забывая при этом и меня, как прошедшее событие. Сложненько! А где в пространстве может располагаться этот мир, я теперь уже даже и не пытаюсь понять. Не всё ли равно?

Пробираюсь через траву к дороге. Позади в лесу ритмичный стук. Лесорубы, что ли? Как? Рубят мой лес! Возмутительно!

Выхожу на дорогу в том месте, где стояла карета. Рядом в траве валяется маленький, тёмно-синий, бархатный мешочек со шнурком-завязкой. Подбираю. Тяжёленький. С вышитой золотом короной и вязью латинских букв ВВ. Всё, как и должно быть в сказке. Распускаю шнурок и заглядываю внутрь. Ни фиги себе! Примерно поровну золотых и серебряных монет. Всего, наверное, с килограмм, если не больше. Такого богатства я отродясь в руках не держал. Хоть сейчас давай дёру домой! Правда, Александр упоминал, что корысть в ворота Дома не пролезает.

Вот так принцесса! Интересно, что это? Королевская компенсация именно за книгу Андерсена или сценарием предусмотрен любой подходящий предлог снабжения деньгами? Ведь я же думал об этом.

Мало сказать, что принцесса очень симпатичная. Всё-таки красавица – сам же придумал! Однако никакого любовного трепета, восторга в отношении её у меня нет и в помине. Мешает понимание неестественности происходящего? Наверное, но всё равно интересно и увлекательно уже сейчас.

Памятуя о сказочных воришках, рассортировываю монеты на золотые и серебряные и распахиваю по разным карманам. Вроде всё. Можно двигать к городу. Идти легко. Тропинка вдоль дороги ровная, и не жарко. Интересно, а в чем здесь меряют расстояния? В футах? В локтях²? В полётах стрелы или пули мушкета?

Локтей через пятьсот прохожу мимо чистенькой, ухоженной, как на картинке, фермы. Дом и другие строения далеко от дороги, но видно, что там кто-то есть. Через щель изгороди на меня смотрит большая, пятнистая свинья и похрюкивает, моргая маленькими глазками. Галльский петух с высоты забора подозрительно и презрительно обозрел меня правым, а затем и левым глазом. Видимо, угрозы он во мне не разглядел и поэтому решил не тревожить своих хозяев зряшным кукареканьем.

По законам жанра меня вроде бы должна догнать какая-нибудь повозка и подбросить до города. И в самом деле – позади за холмом слышатся постепенно нарастающий скрип и дребезжание какого-то транспортного средства. Останавливаюсь, оборачиваюсь и жду. Телега – не телега. Фургон – не фургон. Что-то похожее на то и другое вместе, нагруженное кучей пузатых мешков, корзинами, бочками и влекомое парой серых, мохнатых, низкорослых лошадок.

На высоком сиденье с вожжами в руках восседает довольно примечательная, немного полноватая фигура. Слегка потрёпанные и испачканные коричневые куртка и широкие штаны явно не характерны для городских франтов. На голове выдавшая виды серая кожаная шляпа с обвисшими полями. А под ней – круглая физиономия сорокалетнего мужчины, обрамлённая аккуратно подстриженной бородкой. В прищуренных черных глазках одновременно благодущие и хитроватость, не очень-то вяжущаяся с общим обликом чуть курносенького простака. Вот если Санчо Пансу снять с осла и пересадить на козлы телеги, то будет довольно похоже.

² 1 локоть = 0,5 метра.

– Не подвезти ли синьора к городу? – на чистом русском языке слышалось с высот тележных козел.

Ура, сработала корректировка речи!

– Подвезти. Сколько запросишь?

– Ну, пять солентино³, – просительно и несколько заискивающе произнёс возница, окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног.

Похоже, меня хотят надуть, учитывая мою не типичную для данной местности внешность.

– А сколько это – солентино?

– Солентино – это и есть солентино, – недоуменно отвечает возница, – всегда так было.

Ладно, попробуем подойти к информационно-финансовой проблеме с другой стороны. Я вскарабкиваюсь на козлы и устраиваюсь рядом с подвинувшимся возницей.

– А как выглядит солентино?

Возница старательно роется в кармане штанов и выуживает оттуда потёртую медную монету размером примерно в три копейки советской чеканки. Я, в свою очередь, достаю серебряную и спрашиваю:

– А в этой сколько солентино?

Глядя на мою монету, глаза возницы приобретают мечтательное выражение.

– В этой сто солентино.

– А как она называется?

– Декста.

– А больше дексты есть монеты?

– Есть золотой. В нем десять декст.

– Прекрасно. Декста будет твоей, если по дороге расскажешь о городе, к которому мы направляемся, и его жителях. Я иностранец издалека, и мне всё это очень интересно.

– Иностранец издалека, стало быть... И не запылившийся, и без кареты и лошади, и без дорожного мешка. Обычное дело! А рассказать – то почему бы и не рассказать доброму человеку.

А мужик-то не дурак! И к странным явлениям вроде привычный. Тронулись. С высоты козел видно, что дорога как-то весьма и весьма оживилась. Вдали, рядом с городом довольно бурное пешее, конное и колёсное движение в обе стороны. Да и за нами в отдалении тащится пара повозок. Похоже, с дровами из созданного моим воображением леса.

– У тебя имя-то есть? – спрашиваю я возницу.

– Есть. Как же без имени!

– Ну?

– Что «ну»?

– Если и дальше будешь прикидываться глупым, то слезу и поеду с кем-нибудь другим, кто будет поумнее и кому сто солентино нужнее, чем тебе.

Угроза мгновенно сработала.

– Кристофер. Можно просто Крис.

– А меня можешь звать просто Серж.

С этого момента словоизвержения возницы нужно было уже притормаживать, чтобы не утонуть в совершенно лишнях сплетнях и бесполезных сведениях.

Крис – возчик из крестьян. В своей деревне он собирает у селян продукты-изделия для отправки в город, а в городе развозит по заказавшим их торговцам. Все довольны. У Криса есть работа, а у селян нет забот с перевозкой своих товаров в город.

³ Солентино = 1/100 серебряной дексты = 1/1000 золотого.

Королевство называется Верн. Точно так же именуется и столичный город, к которому мы подъезжаем. Море и порт Верна, скрытые городским холмом, нам с дороги не видны. Кузен жены Криса держит в Верне неподалёку от порта приличную, чистенькую таверну с комнатами для постояльцев. А если уж сам Крис приведёт постояльца, то этому гостю будет оказано просто несказанное благоприятие. Почти даром, разумеется.

Король Верна умер два года назад. Никто из горожан даже и не заметил бы его смерти, если бы об этом не было оповещено герольдом на ратушной площади. Со сменой королей спокойная и безопасная жизнь в Верне течёт не прерываясь. Мужского наследника престола умерший король не произвёл на свет. А принцесса Виолетта по древнему закону не может стать королевой, пока не выйдет замуж. До тех пор управление государством находится в руках главного министра. Впрочем, точно так же, как и при покойном короле. Государственный совет во главе с королём или королевой предпочитает просто утверждать решения министров. Так спокойнее.

Наверное, это и хорошо, что титулованное дворянство устранилось от управления государством и городом. Тут нужны способности, а не титул. Министров в королевстве подбирают как раз по пригодности и не важно, дворянин он или простолюдин. Нынешний главный министр – выходец из цеха кузнецов, а городской магистр – из цеха каменщиков.

Только вот с принцессой Виолеттой уже два года сплошная морока. Претенденты на её руку ходили в Верне первый год после смерти короля чуть ли не толпами, беспокоя своим количеством и выходками местных жителей. Постепенно потасовки между ними сошли на нет из-за бессмысленности. Никто ничего не выигрывал. Деньги кончились, и воинствующие легионы слегка и не слегка побитых потенциальных женихов рассеялись в тех же направлениях, из которых и прибыли за добычей престола. Принцесса словно ждёт кого-то определённого и поэтому отказывает любому из претендентов.

Мне стал понятен вензель ВВ на кошельке из синего бархата – Виолетта Вернская. И буквы вовсе не латинские.

Скрип нашей повозки перекрыл доносящийся сзади топот копыт быстро приближающихся и, судя по частоте стука, совсем не тягловых лошадей. Два всадника поравнялись с нами и придержали коней. Первым ехал молодой человек крепкого телосложения, примерно моего возраста, с приятными чертами лица, пытливыми серыми глазами, остреньким носом, узенькими усиками со столь же узенькой бородкой и растрепавшимися от ветра длинными, темными волосами. Барственная осанка, кольчужная рубашка с чеканными бляшками и длинный кинжал в богатых ножнах выдавали дворянское происхождение. Мне показалось, что я его где-то видел. Вернее, лицо такого типа. Только вот где?

Второй всадник – средних лет, – видимо, оруженосец первого. Блестящие доспехи и длинный меч хозяина приторочены к седлу и бряцают при каждом шаге лошади.

Крис стянул шляпу и слегка двинул головой сверху вниз, наметив поклон.

– Опять в город, Кристофер? – спросил молодой человек. – Всё еще никак не переберешься в Верн насовсем?

– Мое почтение, ваша милость. Никак не переберусь. Жене жаль оставлять хозяйство.

– Ну-ну, а кто это с тобой? – молодой человек с любопытством бросил на меня внимательный взгляд.

– Путешественник из дальней страны. Вот везу показать нашу столицу.

– Очень хорошо. Путешественников в Верне любят. Особенно тех, кто с деньгами!

Молодой человек развернул коня и послал его вперёд. Оруженосец рванул следом. Мне показалось, или молодой граф в самом деле на миг обернулся на скаку, глянув ещё раз на меня?

– Кто это? – спросил я.

– Молодой граф Казимир, – ответил Крис, напяливая шляпу. – Наша деревня на их землях.

– С тобой, я смотрю, он приветлив.

– Когда он был мальчишкой, то я прислуживал ему в графском замке. Да и господа, приехав в Верн, останавливаются в таверне у нашего родственника, где и я сам.

– У них нет своего дома в Верне?

– Нет. По моим соображениям, сейчас молодой граф уже, наверное, в седьмой раз двинулся покорять принцессу Виолетту.

– Тоже претензии на королевский трон?

– Пожалуй, трон ему меньше всего нужен. Бездёжно и страстно влюблён. А скольких женихов он своими руками отвалил от принцессы, то это знают лишь королевский лейб-медик да местные костоправы.

– Экий завязывается узелок!

– Что-что?

– Ничего. Скажи-ка, любезный Кристофер, а где это ты научился так складно, совсем не по-крестьянски изъясняться?

– Так там же, в господском замке. Учили молодого графа, и я попутно тоже учился.

Незаметно за разговорами мы и оказались у городских стен. Кованые ворота широко распахнуты. А локтях в пятидесяти от них в стене низкая и широкая арка, забранная толстой решеткой. В проем арки ныряет не очень широкая, но, похоже, довольно полноводная река. Проследив мой взгляд, Крис пояснил:

– В городе нет колодцев, но в каждый дом из реки приходит вода, – и чуть подумав, добавил: – и не только.

Что означает это «и не только», я понял чуть позже.

Двое стражников у городских ворот приветствовали нашего возницу как старого знакомого:

– Привет, Крис! Гони солентино за ввоз товара!

Возница нехотя полез в свой бездонный карман, но вдруг передумал:

– Я везу в город богатого иностранца. Стало быть, по закону мне положена от города награда в пятую часть его платы мне за провоз.

– Ладно, ладно, сколько он тебе заплатил?

– Пять солентино.

– Да ты с ума сошёл! Где ты видел такие цены за попутный подвоз?

– Синьор, – произнес один из стражников, обращаясь ко мне, – сколько вы заплатили этому мошеннику?

– Ещё не заплатил, но заплачу пять солентино, как только проедем городские ворота. Так уж договорились.

– Надо же, с невнесением пошлины за ввоз в город товара получается шесть солентино за час пути! Даже если ты вёз попутчика от самой своей деревни. Проезжай скорее, пока мы тебя не поколотили за грабёж иностранцев!

Мы въезжаем в ворота и останавливаемся в тени городской стены.

Я вручаю Крису серебряную монету, которую он принимает с облегчённым вздохом, и спрашиваю:

– Хочешь заработать ещё одну?

– Ещё бы! А что делать?

– Во-первых, мне нужна пища и пристанище на ночь, а ты упоминал что-то о родственнике жены – владельце таверны. Во-вторых, ты покажешь мне город. Согласен?

– Конечно. Только мне сначала нужно развезти товар.

– Вот и поедem вместе.

Крис тронул вожжи, и мы с грохотом и тряской покатали по выложенной булыжником мостовой. От широкой площади у городских ворот расходились веером три улицы локтей по 20—25 шириной каждая. Мы свернули в правую, полого поднимающуюся вверх. Грохот колёс стал намного тише, а тряска почти пропала. Улица вымощена ровным, почти плотно подогнанным друг к другу желтоватым, тёсаным камнем. Короткая трава, прорастающая меж камней мостовой, создаёт изящный, приятный глазу дорожный узор.

— Это улица ремесленников и торговцев. Она называется Рыночной, — пояснил Крис. — Каждая поперечная ей улочка принадлежит разным ремесленным цехам и торговым гильдиям. В Верне нет рыночной площади. Вместо площади — эта улица.

На улице чисто и спокойно, несмотря на обилие людей в похожих на театральные платьях и костюмах,двигающихся туда-сюда вдоль каменных и деревянных домов с лавками. Одни куда-то спешат, а другие останавливаются у лавок и придирчиво рассматривают выставленные товары. Мы сворачиваем в улочку с висящим на углу замысловатым железным сапогом и останавливаемся у третьего от угла дома. Крис соскакивает с повозки, и я тоже. Надо осмотреться, поразмяться.

Из дома выходит сухопарый старик в кожаном фартуке и подходит к повозке. Крис скидывает на мостовую несколько мешков. Старик развязывает один из них, вытаскивает из него коричневую шкуру, тискает, мнёт её, разглядывает на свету и даже нюхает. Наконец он удовлетворённо кивает головой и жестом приглашает нас войти в дом.

Большая комната со столом-прилавком. Запах кожи и, наверное, дёгтя, которым намащивают дратву. По стенам полки с образцами кожи и готовой обувью. За распахнутой дверью в другую комнату видны несколько мастеров, сосредоточенно работающих шилом и молотком. Цены на кожи, видимо, оговорены заранее, и хозяин мастерской уже отсчитывает Крису монеты. Его взгляд случайно падает на мои кроссовки, и рука с очередной монетой замирает на полпути. Крис оборачивается, понимающе кивает и говорит старику:

— Иностранец. У них всё не как у нас.

Старик молча кивает, заканчивает расчёт и подходит ко мне.

— Синьор не сочтёт за оскорбление, если я униженно попрошу посмотреть его башмаки?

— Не сочтёт, не сочтёт, — отвечаю я, мигом скидывая кроссовки.

Старик ставит их на прилавок и начинает сосредоточенно рассматривать, поворачивая из стороны в сторону, прощупывая и заглядывая внутрь.

— A-di-das, — прочитывает он по слогам, — Великий мастер этот Адидас! Нигде не видно прошивки подошвы, а лёгкость и мягкость какая! Словно воздушные. А кожа-то, а кожа-то вёрха какова! И подмётка по твёрдости чуть ли не каменная и в то же время почти прозрачная. Шкура дракона?

— Не знаю, — честно признался я, — может быть.

— Продайте мне. Готов заплатить за это чудо две... нет, три дексты.

— Даже не просите!

— Четыре!

— Не могу — подарок.

Чуть ли не на бегу напяливаю кроссовки и вскакиваю на козлы. Крис уже там и подстёгивает лошадей. Последнее, что успеваю заметить, — это чуть не плачущий старик-сапожник с выражением лица как у ребёнка, которому только что не купили удивительную игрушку.

— Пять, — доносится нам вслед.

— Теперь куда? — спрашиваю Крису.

— К виноторговцам, — и в удивлении вертит головой. — Пять декст! Надо же отказаться! Видно, ты и в самом деле не беден.

Молчу. Сворачиваем в улочку с виноградной гроздьёй на углу и сразу же останавливаемся. Из дома выскакивают пара здоровенных парней и без всяких разговоров пристраивают к повозке доски, скатывают три бочки, которые мгновенно исчезают в распахнутых воротах. Переваливаясь с боку на бок, из ворот выплывает фигура, сама похожая на бочку. Маленький, толстый и лысый мужчина степенно подкатывает к повозке и протягивает Крису деньги, которые мгновенно исчезают в его бездонном кармане.

– Теперь к портным – к Льюису, – и мы сворачиваем в улочку с гигантской иглой на углу. Непривычная для человека советского мира чистота, обилие цветов на окнах и одна за другой – портновские мастерские и лавки торговцев тканями в непрерывном ряду. Подкатываем к одной из них. Я помогаю Крису снять с повозки оставшиеся мешки. Сами затаскиваем их в двери. На полках многоцветье маленьких и больших рулонов тканей и тонких кож, наверное, со всего света. Здесь тоже запах кожи, но приправленный уже не дёгтем, а воском.

У прилавка клиент в широкополой шляпе с пером беседует с хозяином – вероятно, самим Льюисом. А рядом наготове подмастерье с каким-то полосатым шнурком в руках.

– Привет, Крис. Что привёз? – хозяин, передав клиента помощнику, выходит из-за прилавка, развязывает первый мешок и вдруг замирает, раскрыв рот, глядя на меня. Крис, не заметив этой метаморфозы в хозяине, машинально произносит:

– Немного сукна и побольше полотна.

Потом чувствует, что происходит что-то не то, но всё понимает, проследив взгляд хозяина. Обречённо вздыхает и повторяет уже однажды произнесённую фразу:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Но хозяин уже не слушает его. Бросив мешок и сорвавшись с места, он начинает описывать вокруг меня какой-то ритуальный танец, приговаривая при этом:

– Какая прелесть! Какое простое и вместе с тем мудрое решение! Ничего лишнего. Движений не стесняет. А карманов-то, карманов-то сколько и все там, где нужно и для того, что нужно. О, и внутри тоже! Поразительно! Восхитительно! Неподражаемо! – он бесцеремонно и восторженно осматривает, ощупывает мою бесценную джинсу, не обращая внимания на позвякивающие в карманах монеты.

Хотя мне и льстит такое внимание к моей экипировке, тем не менее, я вкрадчиво прерываю восторги рыцаря иглы и утюга, стараясь быть максимально тактичным:

– Нельзя ли нижайше побеспокоить вас просьбой указать мне, где в вашем гостеприимном доме находится туалет?

– Что-что?

– Туалет.

– ???

– Ну, такая маленькая комната для отправления естественных надобностей.

– Ах, клозет, – с облегчением догадывается хозяин портняжного заведения, – конечно, конечно, прошу за мной.

Мы выходим во внутренний дворик, он указывает на симпатичную кирпичную будочку, крытую черепицей, и тоже тактично исчезает.

Стиль строения, разумеется, не деревенский, как у нас. Захожу. Мама родная – вот так сюрприз! Никаких характерных для заведений такого рода запахов. Посреди широкая, толстостенная керамическая ваза без дна высотой до колена, и там, внизу журчащий поток воды. Теперь ясно, что имел в виду Крис, говоря, что река несёт в город воду не только для питья. Понятна и чистота улиц, и отсутствие гнилостного смрада в воздухе, который неизбежен для поселений без канализации.

Возвращаюсь в мастерскую. Крис и Льюис уже рассчитались между собой, мешки куда-то унесли, а они оба ожидают меня явно с каким-то замыслом.

– Льюис хочет купить твой костюм для образца. Хорошо заплатит.

– Да-да, очень хорошо заплачу, – подтверждает местный модельер-конструктор и с надеждой, улыбаясь, смотрит на меня.

– И бесплатно сделает тебе другой костюм, какой захочешь, – добавляет Крис.

– Да-да, совсем бесплатно, – подтверждает местный Пьер Карден.

Нелепое положение. Отказать как-то неудобно. Сапожник не мог бы заменить мне кроссовок чем-нибудь, в чём можно появиться в своём мире. С джинсой – другое дело. Сшить можно что угодно. Только вот что я отвечу маме на вопрос о пропаже подаренного мне дефицитного костюмчика? Нет, продавать нельзя.

С другой стороны, Льюис, понятно, вознамерился сделать хороший гешефт на новой модели. Джинсы, безусловно, – очень простая и удобная одежда, заведомо обречённая на успех даже в средневековье. Льюис никакого понятия об авторском праве иметь не может. Но и в этом мире, наверное, существуют какие-то условности относительно копирования чужих изделий. Иначе бы Льюис не заходил бы так издалека с покупкой.

– Ладно, – говорю я, – продать вам костюм, Льюис, к сожалению, я не могу.

Улыбка мигом сползла с его лица.

– Но, – продолжаю, – мы можем с вами заключить другую сделку. Вы к сегодняшнему вечеру сошьёте мне из тонкой коричневой кожи точно такой же костюм и доставите его, куда скажет вам Крис. В свою очередь, за такую услугу я позволю вам копировать мой костюм без каких-либо ограничений в любом количестве и материале. Подходят вам такие условия?

– Да-да, конечно, да. Пьер, Пьер, беги сюда!

И они с подмастерьем принялись энергично обмерять меня в длину и ширину с помощью полосатого шнурка. Крис подсказал адрес доставки заказа, и мы отправились дальше, свернув в улочку с вывеской в виде то ли рогатой коровы, то ли быка на углу. Здесь мы быстро справились с доставкой сыра, сдав торговцу по счёту пять корзин жёлтых шаров. Повозка опустела. Встал вопрос, куда двигать дальше. Смотреть город или устраиваться с кормлением и жильём? Время около полудня. Обедать рановато. Решили всё же захватить в таверну и застолбить за собой ночлег и обед.

Продолжая двигаться всё по той же Рыночной улице, незаметно перевалили её вершину, и мостовая, расширяясь, пошла на спуск. Отсюда меж домов уже видны морская синева и мачты кораблей в порту. Останавливаемся на половине спуска у симпатичного фахверкового дома с заманчивой и пугающей вывеской «Морской дракон». На ней искусно нарисован какой-то зверь в волнах с огромной пастью, непринуждённо закусывающий двухмачтовым парусником. У дома – коновязь с парой верховых лошадей, а через распахнутые рядом с домом ворота видны дворовые постройки и распряжённая карета.

Заезжаем в ворота. К нам мгновенно подбегает мальчик и принимает вожжи у Криса. О лошадях можно не беспокоиться. Через заднюю дверь входим в таверну. Большой зал. Несмотря на небольшие окна, здесь темнее, чем должно бы быть. Наверное, потому, что всё убранство в умеренных коричневых тонах, приглушающих свет. Отделанные деревом стены, балки перекрытия, потолок, столбы, поддерживающие второй этаж, стойка, двери, столы и стулья, лестница наверх покрыты грубоватой, но замысловатой и красивой резьбой. На стенах расписные тарелки, оружие и несколько картин с морем и кораблями. За стойкой изобилие разноцветных бутылок и бочонков с краниками. Уютненько!

Божественные запахи описать труднее. Жареное мясо, смешавшиеся запахи множества специй и ещё что-то совершенно неуловимое создают непередаваемо сказочный аромат, способный свести с ума не только голодного, но и сытого. Всё это впиталось в стены и живёт своей неизменной жизнью, не всегда, наверное, совпадающей с переменчивой кухонной.

К нам подскакивает чисто выбритый мужчина лет пятидесяти в колпаке с кисточкой на голове. Хозяин таверны и родственник жены Криса.

– Серж, – представляет меня Крис.

– Колин ван Берн, а для друзей просто Колин.

– Сержу нужна комната на ночь и стол на сегодня и завтра.

– Нет ничего проще. Всё есть в лучшем виде. И постояльцы вполне приличные, спокойные. Молодой граф Казимир, барон Шварц, вчера откуда-то прибывший для сватовства к принцессе, да две семейные пары, ждущие отплытия на корабле.

– И это ты называешь спокойствием? – взвился Крис. – Казимир и какой-то возможный жених в одном доме! Твоя таверна ещё цела только потому, что Казимир, наверное, не подзревает о сопернике под боком.

– Черт побери, но не мог же я отказать ему в постое!

– Да, конечно, не мог. Тащи вина, и будем надеяться на Бога.

Нектар – это не самая удачная характеристика тому вину, которое поставил на стол Колин. Правда, знаток и ценитель вин из меня никакой, но чувство вкуса у меня достаточное. Разобраться, что хорошо, а что не очень, могу вполне. В запах поставленного на стол вина хочется погрузиться по уши и никогда оттуда не вылезать. А вкус... Нет слов! Сладкое, но не слишком. Со вкусом винограда, вишни, земляники и малины одновременно. Стоит только смочить кончик языка – и возникает ощущение, словно вкус с запахом взбираются

по языку вверх, лаская органы чувств, проникая в нос, глотку, лёгкие, мозг. Это не питье. Это сумасшествие наслаждения от капельки.

Выходим с Крисом из таверны и неспешным шагом спускаемся к порту. Корабли, корабли, корабли... Большие и маленькие. Старые и новые. Простые и разукрашенные. Чистые и грязные. Крики чаек, запах просмоленных бортов и тяжеловатый дух гниющих водорослей.

Разгар дня – разгар портовых работ. Скрип снастей и корпусов кораблей. Катятся бочки с кораблей и на корабли. Тащатся ящики, бутылки, корзины. Рвутся верёвки. Падают грузы. Ругаются люди. А за всем этим – безбрежная синь спокойного моря и столь же безбрежная голубизна неба. Лёгкий ветерок с моря ласкает и приятно охлаждает кожу.

Знакомый Крису мастер цеха грузчиков сопровождает нас вдоль причалов, зорко следя за происходящим на них.

– Вот королевский военный фрегат, – говорит он, указывая на странного вида посудину, и добавляет: – Последний.

Парусов нет. Борта в зелени водорослей. Пушек нет и в помине в раскрытых портах. Команды не видно. Впрочем, нет – какая-то фигура в замызганной одежде выбирается из недр корабля. Лениво потягивается. Лениво подходит к борту. Лениво таращится на нас. Лениво сплёвывает за борт и лениво удаляется туда, откуда появилась.

– И это военный флот? – удивляюсь я.

– Флота уже давно нет за ненадобностью, – отвечает мастер, – не воюем уже лет сто. Сначала долго держали флот и армию на всякий случай. Но потом постепенно от них избавились. Королевский волшебник лучше армии и флота защищает границы, а обходится в тысячу раз дешевле.

Последний причал. За ним чистый песчаный берег с лениво набегаящими волнами. Здесь уже стоят несколько человек из портовых работников и разношёрстная группка горожан. Они что-то внимательно высматривают то ли на берегу, то ли в волнах. Мастер озабоченно взглядывает на солнце, видимо, прикидывая время, и отдаёт какую-то команду портовым. Те резво бегут мимо нас в ближайший склад и волокут оттуда стол, довольно вместительный бочонок и корзину кружек. Ставят стол на песок в приличном отдалении от людей. На стол водружают бочонок, расставляют десятка три кружек и бегут к нам.

– Сейчас вы увидите представление, – предупреждает мастер, – но лучше бы его не было.

– А что в бочонке-то? – спрашиваю у мастера.

– Тёмное пиво.

Ждём минуту, другую, третью... Вдруг поверхность моря вблизи берега заходила волнами, набежала на песок и... Что за черт! Не может такого быть! Но всё-таки есть, противно глазу или нет. «И тридцать витязей прекрасных из вод морских выходят ясных и с ними дядька их морской...» Вроде бы как-то так у Пушкина. Да, выходят, сверкая щитами и кольчугами. Да, именно тридцать. Сосчитано. Да, по подчинённости с дядькой своим бородатым. Или старшим братом по родству? Но они же не из этой сказки! Как сюда попали?

Группа вооружённой холодным оружием молодёжи, совершенно раскованно переговариваясь между собой, располагается на песке вокруг стола. Бородатый дядька с огромным мечом наливает себе кружку пива, одним духом опрокидывает себе в рот и, громко, удовлетворённо крикнув, утирает усы от пены. Затем начинает разливать пиво по другим кружкам и передавать своим подопечным. Встряхнув напоследок бочонок, дядька убеждается, что сможет выцедить из него себе ещё с половину кружечки. Что и проделывает со всей тщательностью. Раздаётся львиный рык дядьки, группа молодёжи вскакивает, подхватывая щиты и мечи, строится и степенно уходит в море во главе со своим предводителем.

Я в полном обалдении. Ошибся Дом, смешав сказки? Или у меня где-то и когда-то мысли перепутались?

– И давно это чудо у вас появилось? – спрашиваю мастера.

– Наверное, с неделю. Как первый раз вышли, то всё порывались куда-то по берегу идти дозором и кого-то от чего-то охранять. Но никак не могли сообразить, в какую сторону идти. Всех перепугали настолько, что работы в порту остановились. Горожане в беспокойстве. Такая ведь неуправляемая силища – и прямо в столице! Пришлось мне с городским магистром и главным министром идти на переговоры со старшиной отряда. Сошлись на ежедневном бочонке пива за то, что они никуда не двинутся с этого места. Пока мы не выясним, куда им идти дозором и откуда. Здесь их оставлять совсем не хочется. Пока что мы ничего не узнали.

– Вы упоминали королевского волшебника. К нему обращались?

– Призывали. Он постоял, посмотрел и сказал, что это за пределами его возможностей. Само собой. Сказки-то разные.

– Надо подумать. Может, я смогу тут чем-то помочь.

– Вы волшебник?

– Нет, но раз ваш волшебник не смог ничего исправить, то дело совсем не в волшебстве.

Если я что-то придумаю, то вам сообщу.

От порта мы с Крисом возвращаемся в жилую часть города уже по средней из больших улиц. Мне всё больше и больше нравится этот чудесный городок.

– Эта улица называется Королевской, – начинает Крис.

– И ведёт к королевскому дворцу, – качиваю я.

Мы переглядываемся и дружно хохочем. Проходим мимо строя богатых домов, украшенных колоннами, скульптурами, росписью, мозаиками, и оказываемся на обширной, круглой площади с фигуристым фонтаном на десять струй в центре её. Интересно, за счёт чего он работает? Водонапорной башни в округе не видать.

– Вот это городской магистрат, ратуша, – говорит Крис, указывая на вытянутое вверх четырёхэтажное здание со шпилем, – а это дом королевского волшебника.

– Разве он живёт не во дворце?

– Нет, там места маловато. Да вот и он сам, – кивнул Крис в сторону проезжавшего мимо нас всадника.

Ну и волшебники в этой стране! Никакой седины, никакой бороды. Да и вообще – этот чисто выбритый человек вряд ли больше чем лет на пять старше меня. И ничего сверхъесте-

ственного и тем более зловещего в нем не чувствуется. Горожанин как горожанин. Разве что осанка преисполнена необычайного достоинства. Королевский волшебник проехал мимо, спешил к своим дверям и, не привязывая лошадь, скрылся в своём доме.

– Ну и дела! И этого я, кажется, тоже где-то видел, – я и не заметил, что произношу это вслух.

– Ты видел не его – Жозефа, а его младшего брата Казимира. Они очень похожи.

– Час от часу не легче. А почему же он не приютит брата, когда тот приезжает в Верн?

– Дом принадлежит королю, и по обычаю королевский волшебник всегда живёт один.

Обрати внимание. Вот и сам королевский дворец, напротив магистрата.

– Этот домик – королевский дворец?

– Он самый.

Наверное, я ничего не смыслю в королевских дворцах. Мы привыкли, что дворцы – это громадины Лувра, Эрмитажа или Эскуриала. Хотя, с другой стороны, и двухэтажный домишко в Летнем саду – тоже дворец своего времени для Петра Первого. А этот гораздо внушительнее. Этажей три, а больших, двусторчатых окон второго этажа по фасаду – аж все девять. Прочие архитектурные атрибуты дворца в виде королевского герба, ажурных решёток, балкончиков, амурчиков и даже горгулий тоже имеются. Но всё это такое миниатюрное, хрупкое, миленькое, что издали похоже на игрушечное.

– Знаешь что, Крис, посиди у фонтана, а я схожу, представлюсь вашей принцессе.

Очень хочется на неё взглянуть.

– Думаешь, тебя пустят?

– Не знаю, но попробовать стоит.

Подхожу к резным застеклённым дверям и привожу в движение бронзовый молоток. Тишина. Стучу ещё раз.

– Иду, иду, – глухо доносится из-за двери.

Лязг засова, лёгкий скрип дверных петель – и передо мной появляется человек лет шестидесяти в чёрном камзоле с усталым взглядом.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Хочу засвидетельствовать принцессе своё почтение.

– Вы с ней знакомы?

– Немного.

– Жених?

– Нет.

– Тогда кто? Как вас представить?

– Серж, – шарю в кармане и протягиваю привратнику синий, бархатный кошелёк.

– Вот даже как! А деньги из кошелька где?

– У меня.

– Ну да, ну да, конечно же, у вас. Казна почти пуста, а принцесса разбрасывает кошельки направо и налево. Серж, Серж, – повторил он, как бы что-то вспоминая. Ах, ну да, иностранец, взвинчивающий цены на перевозки людей! Это же надо! Заплатить пять солётино за пару тысяч локтей пути на простой повозке! Впрочем, кошелёк её высочества... Не жалко этих денег. Понимаю, понимаю. Заходите, – и он отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

– А вы неплохо для привратника осведомлены о событиях в городе, – заметил я.

– Я не привратник. Я главный министр Герц и обязан все знать. Во дворце всё по-домашнему. Кто окажется ближе к дверям, тот и открывает. Если бы вам повезло, то открыла бы и сама принцесса. Идите со мной.

Пожалуй, Герц несколько преувеличивает печальное положение казны. По дворцу этого не скажешь. Всё убранство в идеальном состоянии и порядке. Нигде ни пылинки, ни

признаков износа или пренебрежения. Везде свежие цветы, и не скажешь, что безлюдно. То здесь, то там промелькнут слуга или служанка с какими-нибудь атрибутами своей службы вроде подноса или метлы. Поднимаясь на второй этаж, я любуюсь окружающей красотой и изяществом интерьера дворца и пропускаю мимо ушей сетования Герца по поводу тягот управления государственными делами. Только когда он упомянул околопортовый инцидент с участием группы морских рыцарей неизвестного происхождения, я его

прервал.

– Синьор Герц, вот как раз в решении этой проблемы я вам, скорее всего, смогу помочь. У меня на родине такие случаи бывали, и мне известно, как они разрешаются.

– Синьор Серж, вы просто не представляете, как мы все были бы вам благодарны. Такая помощь достойна королевского ордена, но, увы, вручать ордена может только король

или королева. А принцесса Виолетта ещё не королева.

– Я вас понял, синьор Герц, и не претендую ни на какую государственную благодарность.

Герц заметно повеселел и потеплел.

Вот и скажи после такого дипломатичного финта, что Герц из кузнецов. Наградить тем, чего не может дать... Настоящий политик!

– Прошу вас сюда. Сейчас доложу принцессе.

Великолепная, в меру роскошная гостиная в бежевых тонах. Большой круглый стол и ваза с цветами на нем. Портреты и зеркала по стенам. Мягкие, удобные стулья и кресла. А

это что? Клавесин или пиа...

– Здравствуйте, Серж, – раздался у меня за спиной ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта, – отвечаю я, ещё даже не полностью обернувшись.

Она, слегка улыбающаяся, в двух шагах. Теперь уже в зелёном платье. Целовать или не целовать руку?

– Не надо, Серж. Всё равно у вас по этикету не получится.

– Ну и не буду. Как вы догадались?

– По вашему озадаченному виду. Садитесь, пожалуйста.

Устраиваемся в креслах напротив друг друга. С минуту молчим. Принцесса прерывает паузу:

– Серж, вы волшебник?

– Почему вы так решили?

– Ваша книга. Когда я, гуляя, подобрала её, она была на каком-то непонятном языке. И ваши первые слова тоже ничего для меня не значили. А когда я приехала во дворец и опять раскрыла книгу, то оказалось, что я могу её читать. Великолепные сказки! Да и сейчас мы с вами разговариваем.

– Если тут и есть какое-то волшебство, то совсем немного и не моё. Важно, что всё сложилось как надо.

– Вы думаете, сложилось? И при этом именно как надо? Тогда раскройте секрет, Серж. Зачем было нужно, чтобы я вас ждала? Почему на прогулку меня потянуло так далеко от дома? Что подтолкнуло меня оставить вам свой кошелек? Вот теперь вы здесь – и что дальше? Я в вас не ощущаю ко мне любви и у меня к вам её нет, – и, на мгновение задумавшись, добавила: – Вроде бы...

Вот, что называется, вопрос на засыпку или взять быка за рога. Но ведь я сам всё это затеял, и нужно теперь как-то выкручиваться. Стараюсь попасть наугад.

– А вы уверены, Виолетта, что ждать нужно было именно меня? Может, моё появление говорит о том, что ждать какого-то чуда откуда-то совсем было не нужно? – тут я, конечно,

малость кривлю душой. Но, что делать, неестественность ситуации как-то выправлять надо. Хотя бы для принцессы.

Теперь её очередь задуматься. И довольно надолго. Просто видно, как бушуют мысли в её очаровательной головке, а взгляд не отрывается от моего лица. В глазах интерес, постепенно переходящий в изумление. Принцесса резко встаёт и протягивает мне руку.

– Идите сюда, Серж, – и подводит меня к ближайшему зеркалу. – Вот ваше лицо. Добавьте к нему тонкую бородку и усы. Положите на голову длинные волосы. Кого увидите?

– Казимир? То-то его лицо мне показалось чем-то знакомым.

– А вы, Серж, не знали?

– Клянусь – нет!

– У старого графа только двое сыновей: Жозеф и Казимир. Откуда и кто вы?

– Из очень далёкой страны. В которую и вернусь. А может, и не вернусь. Мне очень нравится в Верне. Куплю на ваши, принцесса, деньги домик, найду работу. Я ведь неплохой механик. Или нет: куплю домик и буду заезжать в Верн иногда как гость.

Принцесса засмеялась.

– Вы, Серж, просто какой-то таинственный мечтатель, а мне нравятся мечтатели. Сама такая. Мы могли бы быть друзьями.

– Могли бы, – вздыхаю я, – если молодой граф Казимир не заметит между ним и мной сходства и не начнёт искать причин. Насколько я слышал, он влюблён в вас, Виолетта, и очень ревнив.

– Просто ужасно ревнив, а сегодня ещё и ужасно зол. Ведь я ему опять отказала. Вслед за бароном Шварцем.

– Значит, оба ужасно злы. И при этом оба остановились в «Морском драконе».

Принцесса побледнела.

– Он ведь убьёт его!

– Насколько мне известно, Казимир ещё никого от злости не убивал.

– Да нет же! Это Казимир для барона просто игрушка. Мария, Мария, быстро карету!

Мы слетаем вниз по лестнице и выходим на площадь. Кареты ещё нет. Принцесса в нетерпении стучит каблучком. Подбегает Крис. Обрисовываю ситуацию.

– Нужно взять с собой Жозефа. Он ко всему ещё и хороший лекарь, – предлагает Крис.

– Верно, – подтверждает принцесса.

– Вот что, Крис, – команду я, – стучи к королевскому волшебнику и тащи его быстро в «Морского дракона». Мы с принцессой вас ждать не будем. Вон уже карета.

Это была не скачка, а какой-то бешеный полет. В котором карета потеряла правую дверцу, соприкоснувшись со стеной дома в каком-то узком проулке. Чудом никого не сшибли, благодаря лужёной глотке кучера. От его криков народ разбежался на двести локтей впереди.

Вот и «Морской дракон». Останавливаемся. Я предупреждаю:

– Виолетта, не забывайте, что вы принцесса.

– Да-да, конечно.

Я выпрыгиваю в дверь без дверцы и галантно подаю ей руку. Принцесса чинно выходит, и мы не спеша влетаем в таверну. Мыслей в голове никаких, и я с порога небрежно изрекаю:

– Мы с принцессой проезжали мимо и услышали у вас в заведении какой-то шум. Решили взглянуть, в чем дело.

Колин, стоявший посреди зала, вроде хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом. Шума, конечно, нет никакого. Уже нет. Молодой граф Казимир – один из наследников древнего рода – неподвижно лежит на полу в углу зала. На всякий случай я придерживаю принцессу за рукав, чтобы она не бросилась к телу. Жалобно заскрипела лестница.

Вниз спускается человек-гора чуть ли не четырёх локтей ростом и полутора локтей в плечах, за которым слуга тащит сундук. Человек-гора подошёл к принцессе и виновато потупился.

– Барон, что тут произошло?

– Простите, принцесса, но я только защищался.

Он бочком протиснулся в уличную дверь и исчез вместе со слугой и сундуком.

Вместо него вваливаются Жозеф и Крис.

– Жозеф, посмотрите, что с вашим братом, – распорядилась принцесса.

Тот встал на колени над телом и приложил ухо к груди лежащего. Затем осмотрел его голову и констатировал:

– Единственное лекарство, которое нужно – это ведро холодной воды. Колин, принеси!

Колин ожил, бросился во двор и мигом вернулся с ведром воды.

– Лей! – и ведро было опорожнено.

Тело зашевелилось и, демонстрируя признаки жизни, начало отфыркиваться от воды, попавшей в рот.

– Колин, что тут произошло? – требовательно спросила принцесса.

– Я сам в удивлении, ваше высочество. Граф Казимир влетел в таверну в своём обычном после визита к вам, принцесса, настроении. То есть злой как тысяча чертей. Барон как раз заканчивал обед перед отъездом. Граф подскочил к нему и закричал что-то в смысле: «За невестой прибыли? Дома своих не хватает?» или что-то в этом роде, но более образно и откровенно. Не при дамах будь сказано. Затем схватил со стола кубок и выплеснул содержимое барону в лицо. То есть граф думал, что выплеснет. Кубок был пустой. Но всё равно оскорбление. Барон небрежно приподнялся и сделал вежливый жест рукой. Как бы отвечая на обращение графа Казимира. Граф упал на пол как подкошенный. Никогда ещё такого не было. Обычно падали собеседники графа.

– Поучительная история, – заметил Жозеф. – Нашла коса на камень.

– Принцесса, прошу вас за стол, – предложил я, – а больной пусть пока приходит в себя. Кстати, а куда он делся?

Только лестница скрипнула где-то наверху.

– Жозеф, Крис, принцесса приглашает вас разделить с ней трапезу. Колин, твоего чудного вина и всё, что есть на плите, тащи сюда! Обед давно прошёл, а мы ещё не ели.

Правда, не обедали-то мы с Крисом, а остальные – не знаю. Жозеф предложил принцессе стул, а Колин торжественно принёс тонкой чеканки кувшин и стаканчики на расписном подносе.

– Какое небывалое вино! – восторженно пропела принцесса своим ангельским голосом, – у нас во дворце такого нет.

– У вас во дворце много чего нет, – послышалось откуда-то сбоку.

Появился Казимир, таща за собой стул, и уселся справа от принцессы. Успел как-то переодеться в сухую одежду. Левый глаз уже заплыл, а глазница посинела.

– Колин, ещё стаканчик!

Два... нет, три стаканчика подряд залпом – это варварское издевательство над божественным напитком.

– Казимир, вы меня очень огорчили.

– Виноват, принцесса! Больше не повторится.

– Надеюсь, что не повторится, и даже – скорее всего. Барон ведь уехал.

Сидящие за столом прыснули от смеха, а виновник чисто по-мальчишески покраснел.

– Чтобы вас защитить, Казимир, я сегодня же издам указ о прекращении соискания моей руки.

– Вы очень добры, принцесса.

– Вы даже и не подозреваете, Казимир, насколько я добра именно к вам. Я даже позволю вам повторить сегодняшнюю попытку сватовства. Но не ранее, чем через две недели. Когда с вашего лица исчезнут следы пребывания в нашей стране барона Шварца.

Воцарилось молчание. Такого поворота никто не мог и ожидать. Жозеф в облегчении вздохнул. Казимир в обалдении застыл. И тут начали подносить блюда и тарелки...

Чего тут только не было! И целиком зажаренная на вертеле курица. И нежнейшее тушёное мясо без единой жиринки. И только что прокопчённый свиной окорок. И тающие во рту сосиски размерами с небольшие колбасы. И бульоны из птицы и не птицы. И запечённые на курином жире клубни диковинного ещё пока в Верне овоща – картофеля. И целая дюжина кастрюлек с соусами и приправами. И ещё куча разных блюд, в происхождении и составе которых мне так и не удалось разобраться. Но, в общем, – явно не рыбный день.

С таким вином, закуской и сотрапезниками время летит незаметно. Даже если обмениваться только междометиями, отмечающими качество блюд. А больше ничего и не требуется, когда перед вами происходит спектакль любовного ухаживания и его приятия.

Казимир старался вовсю. Отрезал и вырезал принцессе самые лакомые кусочки. Предлагал попробовать тот или иной соус. Подливал вина. А когда дело дошло до десерта, то выбирал и очищал самые спелые плоды. Принцесса сдержанно, но благосклонно принимала эти знаки внимания, и только когда кавалер отворачивался, лукаво и заговорщицки улыбалась мне. Крис как замороженный созерцал это действо. Жозеф сосредоточенно молчал, а я время от времени смотрел по сторонам.

Заведение постепенно заполнялось народом. Многие узнавали принцессу и подтверждали это, сняв шляпу, небольшим поклоном. На что она в ответ вежливо кивала. Стало шумнее, а в дальнем углу появились музыканты и стали тихо наигрывать что-то нудное.

Идиллию нарушил Герц, материализовавшись из ниоткуда.

– Ваше высочество, во дворце беспокоятся, куда вы пропали.

– Провожу время с друзьями, господин министр.

– Но ведь уже десять часов вечера!

– Да-да, вы правы. Пора домой. Казимир, распорядитесь, чтобы подали мою карету. Серж, проводите меня, пожалуйста.

Мы вышли на улицу. Жозеф и Крис остались за столом, а Герц поспешил к своей коляске.

– Спасибо вам, Серж.

– И вам спасибо, Виолетта.

Она удивлённо приподняла брови, но промолчала. Подкатила карета. Оторванная дверца оказалась уже на месте. Казимир выскочил изнутри.

– Я вас провожу, принцесса.

– Не надо, Казимир. Мы сегодня достаточно времени провели вместе, – и протянула ему руку для поцелуя.

Карета скрылась, а Казимир отцепил от коновязи свою лошадь, вскочил в седло и не спеша двинулся по улице вниз, в сторону порта.

За столом всё те же. Только Крис уже клюёт носом.

– Крис, может спать пойдёшь?

– Пожалуй, пойду, – и, слегка спотыкаясь, побрёл к лестнице на второй этаж.

– Мой братец, наверное, решил прогуляться от избытка чувств?

– Ага. Жозеф, у меня такое предчувствие, что вы не прочь меня расспросить о чем-то.

Жозеф достал трубку, не спеша набил её табаком, прикурил от свечи, затянулся и пустил в потолок густой клуб дыма.

– Серж, а у меня такое предчувствие, что вы мне не скажете даже, ни кто вы, ни откуда, ни зачем.

– Пожалуй, не скажу.

– Поймите, – это не просто досужее любопытство. На мне защита государства. Мне известно, что вы никогда не были в Верне, а принцесса не покидала Верна. Вдруг вы появляетесь неизвестно как, и оказывается, что вы чем-то связаны с принцессой. Причём до такой степени, что, мне кажется, имеете прямое отношение к событию, произошедшему сегодня за этим столом. Мало того. Вы очень похожи на нас с братом. Хотя, например, он этого не заметил. Всё это очень странно. Не находите?

– Нахожу. Но странность не преступление.

– Верно. Успокаивают две вещи. Вы не волшебник – это точно. И от вас не исходит никакой опасности. Уж я-то в этом разбираюсь.

– Жозеф, если опасности от неизвестности не исходит, то пусть она неизвестностью и остаётся.

– Вы думаете, что волшебники до такой степени не любопытны? – с улыбкой спросил Жозеф. – Ладно, пусть будет по-вашему. Храните свою тайну. Однако и у вас есть вопросы ко мне. Правда?

– Совершенно справедливо. А вопросов два. Вы совсем не похожи на волшебника. И второе. Как вам такую благополучную страну удаётся сохранять без армии и флота?

– Вы, Серж, наверное, представляете себе седобородых, умудрённых годами, опытом и учением волшебников из сказок. На самом деле волшебником нужно просто родиться, и возраст тут играет малое значение. Что вызывает рождение волшебника и почему он может явиться на свет в любой семье? Этого никто не знает, и я в том числе. Может, просто потому, что в нем возникает нужда? Мы не живём больше других людей и так же, как все, болеем и умираем. Мой предшественник умер семнадцать лет назад в возрасте всего шестидесяти пяти лет.

– Вы хотите сказать, что...

– Совершенно верно. Я занял должность королевского волшебника в двенадцать лет. Ну, а что касается вашего второго вопроса, то наша страна потому и благополучная, что не тратит ничего на армию и флот. Нападать на кого-то с целью грабежа побуждает корысть. А если эта корысть ещё имеет и власть, то жди большой беды. В обязанности королевского волшебника входит наблюдение за появлением в сопредельных странах опасных корыстных побуждений у людей, облечённых властью. Когда знаешь, что и у кого, то не сложно и воспрепятствовать заранее.

– Как это невинно звучит – воспрепятствовать. Я уж не рискую спрашивать, что за этим кроется.

– И правильно делаете. А теперь я отвечу на не заданный вами вопрос. Постеснялись, наверное, спросить. У волшебника должна быть определённая этика. Волшебник может многое, но он должен хорошо понимать, во что вмешиваться можно, а во что – никогда.

– Это вы к чему?

– К тому, почему я не вмешиваюсь в отношения между принцессой и братом. Хотя и мог бы.

– Жозеф, вы просто кладёшь мудрости. Это я совершенно без иронии.

– Спасибо. Вы когда отбываете, Серж?

– Завтра где-нибудь во второй половине дня. Нужно ещё успеть кое-что сделать.

– Ну да, ну да, в порту. Я приду посмотреть, как вы справитесь с тем, с чем не справился я. До свидания.

– Жозеф положил трубку в карман и вышел из таверны.

Таверна уже почти опустела. Только в углу небольшая компания доигрывает в кости. Колин дремлет за стойкой. Легонько пихаю его пальцем.

– А, что? – вскидывается он.

– Колин, мне бы тоже поспать.

– Сейчас устроим. Жанна, Жанна, проводи синьора в его комнату.

Какая симпатичная и стройная девица! Даже более чем симпатичная. Тонкие черты лица, на котором синие глаза кажутся просто огромными. Нежные губки совершенно правильной формы. А какие прелестные ножки взбираются впереди меня по лестнице! Просто не верится, что такие ножки доводят постояльцев только до комнат. Попытать счастья?

– Вот, синьор, ваша комната. От портного принесли ваш костюм.

На крючке висит кожаное великолепие. Льюис постарался на славу. Пуговицы вообще бесподобные. Сделаны из монет в один солентино.

– Синьору ещё что-нибудь нужно?

– Нужно, – и начинаю приближаться к ней с видом, не оставляющим никакого сомнения в моих побуждениях.

Оплеуха была такой силы, что я полетел на кровать. Жанна погрозила мне кулачком и исчезла за дверью. Нет худа без добра. И ложиться не надо – уже лежу. Хотя и обидно. Я же с хорошими намерениями...

Утром, подавая завтрак, Колин ухмыляется во всю физиономию.

– Что, Жанна разболтала?

– Ей и разбалтывать ничего не нужно. Все постояльцы ведут себя одинаково и всегда получают от Жанны одно и то же. А у тебя одна щека ещё пока толще другой.

Быстро расправляюсь с куриной ножкой, крылышком, пирогом и кружкой напитка, похожего на компот. Подхожу к стойке и спрашиваю у Колина:

– Крис ещё спит?

– Спохватился! Он уже давно домой уехал.

– Вот незадача! Я с ним ещё не рассчитался.

Достаю из кармана серебряную монету.

– Вот передай ему, пожалуйста, а то я скоро отправлюсь домой, – Колин сгребаёт монету в ящик.

– Что ещё?

– Ещё посчитай, сколько я тебе должен за всё вчерашнее и прочее. А также мне нужно три больших бочонка твоего вина с доставкой в порт к часу дня. Да, и ещё кое-что передать

на словах мастеру цеха грузчиков в порту, – и я сказал, что передать.

– Сделаю, – и пошевелил губами, глядя в потолок. – Всё будет стоить дексту и семьдесят пять солентино.

Выкладываю две дексты. Они отправляются в тот же ящик. В карманах ещё полно денег. Вспоминаю вчерашний разговор с принцессой.

– Колин, если бы я захотел купить маленький домик в Верне, сколько это могло бы стоить и что бы ты посоветовал?

– Каменный или деревянный?

– Всё равно. Лишь бы понравился.

– Ну, например, каменный из пяти комнат и кухни может обойтись от сорока до шестидесяти золотых. Нестарый деревянный такого же размера – на десять-пятнадцать золотых дешевле.

Возвращаюсь в свою комнату, опустошаю карманы и пересчитываю капиталы. Сорок восемь золотых и сорок декст. Непостижимо. За книжку сказок на неведомом языке? Вполне

могу стать домовладельцем. Нужно только вычесть из этого богатства расходы на содержание дома хотя бы в течение трёх лет. Да и оставить на непредвиденное тоже нужно. Спускаюсь обратно в зал.

– Колин, а сколько нужно платить приходящей служанке? Ведь нужен же присмотр за домом в отсутствие хозяина.

– Сорок-пятьдесят солентино в месяц. И не забывай о дровах. Это ещё семьдесят-восемьдесят солентино за зиму. Живёт хозяин или не живёт, а топить надо. Иначе дом быстро стареет, разрушается. Жанна, Жанна!

– Что хозяин?

– Твой дядя свой второй дом ещё не продал?

– Нет.

– Наш постоялец может его сейчас посмотреть?

– Ключ у меня.

– Тогда проводи его, – и, обращаясь уже ко мне, добавил: – Это здесь рядом, на соседней улице. Домик очень неплохой, – и уже в самое ухо шёпотом: – Если задумаешь брать, то больше сорока золотых не давай.

Пока идём, Жанна молчит и не смотрит на меня. Улочка светлая и тихая. Домик в два этажа, как на рождественской открытке – славный и весёлый. Только без снега. Июнь ведь! Первый этаж кирпичный, а второй деревянный. Балкончик с ажурным ограждением, весь в цветах. Дубовая дверь с окошечком. Красная черепичная крыша с крошечными башенками по углам. Соседние дома чуть повыше.

В первом этаже просторная прихожая с лестницей на второй этаж. Комната побольше – столовая с изразцовым камином и окнами на улицу, и комната поменьше – рядом с кухней, окнами во двор. Туалет здесь же, рядом с кухней. Размером обширнее, чем я видел у Лююиса, и вдобавок ещё с огромной деревянной лоханью рядом с вазой-унитазом. Наверное, заменяет ванну.

На втором этаже две одинаковые большие комнаты на улицу и во двор. Великолепная резная мебель, включая большую кровать с пологом в комнате, выходящей окнами во двор. Критиковать нечего. Как же я буду торговаться?

Спускаемся с Жанной вниз и выходим во двор. Премиленький садик. Несколько вишнёвых деревьев, кусты шиповника, жасмина, сирени и цветочные клумбы. Две широкие скамейки и небольшая статуя амура в центре всего этого великолепия. Кованый забор с калиткой на соседнюю улицу, сплошь увитый плющом, как и вся задняя стена дома, кроме окон. Прилегающие боковые стены соседних домов слепые – без окон. Так что происходящее во дворе из посторонних видеть некому и неоткуда.

– Сколько твой дядя хочет за своё владение? – спрашиваю я Жанну.

– Пятьдесят золотых, – отвечает она, пряча глаза.

– Недурно. Мне нужно с ним поговорить. Как у вас в Верне оформляются сделки?

– Здесь немного дальше по улице – контора стряпчего. Вы можете подождать там, а я схожу за дядей.

Стряпчий есть стряпчий, где бы и когда бы он ни был. Это относится и к синьору Имриху. И внешность у него стряпчего, и контора у него стряпчего, и повадки у него стряпчего. Разумеется, он не хочет, чтобы сделка сорвалась. Не будет сделки – не будет барыша.

– Синьор Имрих, я готов без торга заплатить сорок золотых за дом, но никогда не буду платить пятьдесят. Вы понимаете ситуацию?

– Очень хорошо понимаю, синьор Серж. Взаимопонимание – основа моего дела.

Продавец пришёл довольно быстро. По нему не заметно, насколько скоро он двигался. Но Жанна запыхалась. Значит, он может быть очень заинтересован в быстрой продаже, раз так спешил.

Надо сказать, что синьор Имрих довольно энергично и умело взялся за дело. Буквально через три минуты дом стоил уже сорок восемь золотых. Ещё через три минуты – сорок шесть. А ещё через три минуты я стал его владельцем со всем содержимым за сорок четыре золотых.

Однако возникло небольшое препятствие. Одного имени Серж недостаточно для оформления купчей. Нужна ещё и фамилия. Записали «Серж Андерсен», и формальная сторона дела была соблюдена. Приложили к купчей большие пальцы правой руки. Я отсчитал сорок четыре жёлтые монеты, а дядя Жанны передал мне связку из шести ключей и ушёл. Два ключа от парадной двери, два от задней и два от калитки в заборе.

– Жанна, – спросил я, – ты могла бы, работая в таверне, присматривать за домом в моё отсутствие?

– Да, я и сейчас это делаю.

Тут же господин Имрих составил договор о найме на три года. Мы с Жанной приложили пальцы. Я отсчитал синьору Имриху на хранение необходимую сумму для выплаты Жанне ежемесячного жалования в течение трёх лет и покрытия хозяйственных расходов. Синьор Имрих написал расписку в получении денег на хранение. Жанна получила свои первые пятьдесят солентино, ключи от дома и отправилась в таверну. Я раздумывая смотрел ей вслед, пока она не скрылась за уличной дверью.

У синьора Имриха тоже неплохое начало дня.

– Синьор Серж, с вас за оформление сделок одна декста и пятьдесят солентино.

Вполне разумная цена. Учитывая, что он сэкономил мне шесть золотых!

– Синьор Имрих, а сколько вы берете за составление завещания?

– Двадцать солентино.

– Тогда давайте займёмся делом, и я заплачу вам за все услуги две дексты.

Как опытный стряпчий, синьор Имрих быстро состряпал завещание Сержа Андерсена. По этому завещанию имущество в виде дома со всем содержимым переходит в собственность Жанны. При условии, что синьор Серж не будет замечен присутствующим на территории города Верна непрерывно в течение трёх лет. На этом мы с синьором Имрихом благополучно расстались.

Я вернулся в теперь уже собственный дом. Совсем другое ощущение. Медленно осмотрел все комнаты, мебель, предметы. Посуда, белье, полотенца, статуэтки, ящики, сундучки и шкапулки. Вот одна подходящая шкапулка в шкафчике в спальне наверху. Купчая, договор о найме, расписка, завещание прекрасно в ней поместились. Сюда же высыпал оставшиеся деньги. Четыре золотых и маленькую горсточку серебра. Нет, одну беленькую монетку оставляю в кармане на всякий случай. Убрал шкапулку в шкафчик.

Спустился во дворик. Сел на скамейку, достал блокнот и карандаш, нарисовал процессу. Нет, это я хорошо придумал с домом. Отсюда можно исчезать незаметно и появляться здесь тоже. Ну, ладно, вроде пока всё.

Во дворе таверны меня уже ждёт довольно ёмкая двухколёсная тележка, запряжённая лошадью. Бочонки погружены. Мальчик-возница на своём месте. Взгромождаюсь на бочонки, и мы трогаемся к порту. На причалах обычная, будничная суeta. Соскакиваю с тележки и иду искать мастера цеха грузчиков. Он стоит на причале и лениво переругивается, похоже, с боцманом одного из кораблей. Увидев меня, он отмахнулся от собеседника и подошёл ко мне.

– То, что вы просили, готово.

– Тогда, наверное, пора выносить. Что нужно, я привёз.

Мастер побежал к складам и буквально через минуту на песчаном берегу, как и вчера, стоял стол, но размером побольше, два стула и корзина стаканов. Я указал на повозку –

и привезённые бочонки мигом оказались на столе с уже ввинченными краниками. Я уселся на стул и принялся ждать. Как и вчера, несколько человек забрели посмотреть на аттракцион. А вон и Жозеф среди них. А подальше, похоже, и Герц, наблюдающий за происходящим из своей коляски.

Наконец, море забурило. Из глубины высунулась бородатая голова в остроконечном шлеме-шишаке и внимательно осмотрелась. Убедившись в отсутствии очевидной опасности, голова повлекла за собой мощное тело, заключённое в кольчугу, и не только своё. Все тридцать витязей следом потянулись на берег. Интересно – как это им удаётся выходить сухими из воды?

Бородатый дядька тяжёлой поступью подошёл к столу и уставился на меня вопросительным взглядом. Затем перевёл взгляд на бочонки, а потом опять на меня. Затем снова на бочонки и опять на меня.

– Узнали?

– Узнали.

– Смотри-ка, поговору ты русич, а по обличью не пойму.

– Русич, русич.

– Спиридон.

– Сергей.

– Слава Богу! А то эта немчура кругом. Говорят вроде по-нашему, а о чем – не поймёшь.

Ты князь?

– Нет, не князь. Садись, Спиридон, поговорим.

Витязи столпились вокруг нас и переминаются с ноги на ногу в ожидании развития событий. Спиридон потрогал сиденье стула и с опаской присел на заскрипевший предмет мебели. Стул выдержал. Спиридон откинулся на спинку, поставив огромный меч меж колен.

– Выпьем за знакомство, – предложил я.

Налил стакан и подал бородачу. Себя тоже не забыл, но чуть-чуть.

– Благодарствую.

Чокнулись, и Спиридон одним махом опрокинул стакан себе в рот. Почмокал с изумлением губами и констатировал:

– Знатная медовуха. Ребята, можно! – и ребята занялись самообслуживанием.

Я налил второй стакан и сунул в руку гиганту.

– Благодарствую.

Теперь он не стал пить залпом, а стал прихлёбывать по глоточку, смакуя запах и вкус. Вот-вот – так и надо!

– Знаешь, Спиридон, я понимаю, с какой трудностью вы столкнулись.

– И не говори, браток. Сам не пойму, что произошло. И Маньки нет – сестры нашей, чтобы подсказать. А ведь всегда была рядом с нами.

– Какая ещё Манька? Это Царевна-лебедь, что ли?

– Она самая. Головастая бабёнка. И сама из себя тоже ничего. Ей бы мужа хорошего сыскать.

– Сыщется. Если не сыскался уже.

– Ты это о чем, Сергей? – подозрительно спросил Спиридон и дважды приложился к стакану. После чего тот опустел.

– Так ты не слышал? – я подлил Спиридону новую порцию. – Остров Буян знаешь?

– Конечно, как не знать!

– Так вот, неподалёку от Буяна ещё другой остров на море лежит и град на острове стоит. Как положено – со златоглавыми церквями и всё такое прочее. А правит там князь Гвидон. Вот как раз за него-то ваша Манька и собирается замуж, если уже не выскочила.

– Вот стерва! А нам ни слова.

Столпившиеся вокруг нас витязи возмущённо загалдели. В избытке чувств, смахнув со стола один из бочонков. По звуку удара о песок – уже пустой.

– Вот как раз по этому острову вы и должны бы ходить дозором, охранять Гвидона с Марьей, а оказались почему-то здесь. Наверное, происки недобитого злого чародея.

Между тем витязи, поначалу опешив от такой новости, решили взяться за второй бочонок, а Спиридон уже сам долил свой стакан и хватил сразу половину.

– Так нам же нужно туда! – сообразил он и прикончил содержимое стакана. – И поскорее. Как зовётся-то гвидониев остров? Мы его враз достигнем!

– В том-то и дело, что остров безымянный.

– Ага, прячутся!

– Да нет, просто остров новый и его ещё не успели обозвать. Но тебе-то это не мешает найти его. Раз ты знаешь, где Буян. Надо просто пошуровать в окрестностях Буяна, и только.

– И пошуруем! Нам да не пошуровать! Пошуровать мы всегда сможем!

Произнося со смаком «пошуровать», Спиридон налил себе ещё стакашок. Видно «пошуровать» у старика одно из самых любимых выражений, связанных с какими-то очень приятными воспоминаниями.

И тут у меня мелькнула мысль, что может произойти крайне неприятная накладка. Раз Маньки с ними нет, то она в другом месте. А раз не связывается со своими братьями, то может просто не подозревать об их существовании, если эта группа витязей – клоны. Рядом с ней братья есть, а передо мной – их копия, сделанная Домом. Если эти дубли появятся около Маньки и столкнутся с оригиналами, то черт знает что может произойти. Их ни в коем случае нельзя пускать на гвидониев остров прямо так сразу. Потом, когда станет ясно, есть ли ещё и другая группа братьев или нет, то пусть сами и поступают по обстоятельствам.

– Знаешь что, Спиридон, я вот что подумал. Сразу видно, что ты очень достойный мужик и твои младшие братья тоже. Вот так и будете всю жизнь на побегушках, охранять чужие владения?

– Обидеть хочешь? Хотя твоя правда. Чужое охраняем, а своего не имеем.

– Я вот что подумал. Остров Буян ведь свободный. Ничего не мешает вам занять его, как вотчину. Сядешь там князем.

– Князем, говоришь? – Спиридон приосанился, расправил усы.

– Город поставите. Народ поселится. Мужики там, бабы...

– Бабы это хорошо, – сверкнув глазами заметил потенциальный князь. – Для города я имею в виду.

Из задних рядов витязей послышался чей-то не очень трезвый голосок:

– Про баб, что там грят? Попробней, пжалста, и громче.

– Смущаешь ты нас, Серёга, смущаешь, – покачал головой старый дядька.

– Так и Манька у вас будет рядом, неподалёку. Если что, то быстро ей поможет чем, или совета спросите.

Спиридон встал во весь рост. Окинул взглядом дружину.

– Что скажете, братья?

– На Буян, на Буян...

– Ладно, так тому и быть. На Буян так на Буян. Наливайте разгонную на дорожку.

Разлили. Получилось остатков по полстакана на брата. Молча выпили. Спиридон приложил руку к груди и поклонился.

– Спасибо тебе, Сергей, за помощь и ласку. Окажешься в наших краях, то загляни на Буян. Дорогим гостем будешь, – и, обращаясь уже к своим, проорал:

– Пошли!

И нетвёрдой походкой направился к воде. Остальные, не соблюдая строя, двинулись за ним. Двоих тащили за подмышки, волоча ногами по песку. Через минуту уже почти ничто

не напоминало о визите сюда грозной дружины. Только забытые шлем и два щита валялись на песке.

Крикнул мальчика-возчика и велел ему погрузить пустые бочонки в тележку и подождать меня. Жозеф призывно помахал рукой. Я подошёл. Жозеф внимательно и понимающе, как лекарь, присмотрелся ко мне.

– Жанна, – констатировал он. Ничего, уже почти всё прошло.

Я промолчал. Уже вместе мы присоединились к синьору Герцу.

– Думаете, они больше не вернуться? – спросил Жозеф.

– Не должны. Они просто заблудились, а я подсказал, где они на самом деле должны быть.

– И для этого нужно было напоить их допьяна? – вступил в разговор Герц.

– Синьор Герц, вы, наверное, мало что понимаете в национальных особенностях некоторых народов. Эти люди – русские витязи. А у русских выпитое совместно вино является признаком доверия и уважения друг к другу. Чем больше выпито – тем больше доверия и уважения.

– Интересно, вы-то сами выпили с ними всего каплю и доверия к вам должно бы быть не больше капли.

– У вас математический склад ума, синьор Герц. А общность людей арифметикой не описать. В данном случае, если я из бочки вина выпью чайную ложку, а мой собеседник – остальное, то всё равно вместе мы выпили бочку вина. Понимаете?

– Начинаю понимать. Ну, что ж, будем надеяться на лучшее.

– Как вы думаете, синьор Герц, если надежды оправдаются, то я отработал кошелек принцессы?

– Э-э-э, пожалуй, да. Извините, синьоры, мне пора, – и он ткнул тростью в спину кучера. – Поехали!

Мы с Жозефом пошли вверх по улице, а тележка с бочонками покатила за нами.

– Что это за история с кошельком принцессы? Или это тоже секрет?

– Принцесса заплатила мне за увлекательную книгу, а Герц считает, что цена была слишком высока.

– Герц хороший человек, но очень прижимистый. Должность обязывает. В бытность свою кузнецом он был совершенно другим. Знаете, Серж, очень жаль, что вы уезжаете. С вами интересно.

– Спасибо. Мне с вами тоже очень интересно.

Мы пожали друг другу руки, я опять взгромоздился на бочонки, и лошадь затрусила к «Морскому дракону».

Свернуть и связать верёвочкой мой новый костюм не составило труда. Спустившись вниз, я выпросил у Колина бутылочку его непревзойдённого вина. Мгновенно получил тёмный, пузатенький сосуд с залитой воском пробкой. Крикнул Жанне «до свидания», попрощался с Колином и отправился в свой новоприобретённый дом.

Уже перевалило за три, и особо расслаиваться тут нельзя, если я хочу попасть домой до возвращения мамы и бабушки. Дворик, скамеечка, цветы... Не хочется уходить. Да, а что делать с новым костюмом? Все питерские франты, конечно же, сдохнут от зависти. А как объяснить маме его появление? А можно ли будет его вообще протащить через Дом? Не корысть ли тут мной движет? Не хотелось бы потерять репутацию, а с ней и возможность путешествовать в мечты. Оставлю здесь для переодевания. А вот бутылочку-то заберу с собой. Какая тут корысть!

Поднимаюсь в спальню и вешаю костюмчик в шкаф. Спускаюсь обратно во дворик. Проверяю, все ли ключи в кармане. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом...

ГЛАВА 3: Новелла о сумасбродном изобретателе

Улицу разрыли так, что даже в сумерках, а не только в темноте здесь лучше не появляться. Можно шею свернуть. На дверях парадной объявление, что в связи с прокладкой трубопровода в Доме будет отключена вода такого-то числа со столько до столько. Плевать. Пусть отключают. Мы запаслись. Копают днём и ночью, в будни и выходные. Пятничный день уже к вечеру, а работы не прерываются.

Негромко наигрывает магнитофон. Стою у окна и смотрю, как маленький экскаватор уродует и наш двор тоже. Это называется комплексным ремонтом сетей. На улице меняют трубопроводы, а во дворе – трубы. Вот так! Понимаете разницу между трубопроводом и трубой. Нет? Так вот, трубопровод – это труба, по которой что-то течёт. А труба – это трубопровод, по которому ничто не течёт. У нас в Доме происходят постоянные превращения трубопровода в трубу и обратно.

Черт, какая только дурь не лезет в голову! Хочу в Верн. Уже третий месяц пошёл, как я вернулся оттуда. Да вот ничего не получается. Незаметно могу исчезнуть только ночью на несколько часов. А что в Верне делать ночью, когда все спят? Жителей пугать? Александр объяснил, что исчезать и появляться можно только находясь в Доме. Вне Дома какая-то связь с ним на каком-то расстоянии чувствуется, но возможность перемещаться в другой мир пропадает. Жаль...

Похоже на эффект экрана или решётки. Словно сам Дом является объёмом, заключённым в какую-то сетку. И внутри неё может что-то происходить, а снаружи – нет. Но ведь экран, сетка, решётка должны быть металлическими, а Дом-то из кирпича. Так что и чего-нибудь вроде арматурной сетки, характерной для панельных домов в стенах, быть не может. Странно всё как-то, и ухватиться не за что, чтобы уловить происхождение явления.

Внизу, в яме у экскаватора раздался оглушительный треск, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Погас свет и замолк магнитофон. Приехали! Перерубили электрический кабель. Тракторист-то хоть как? Вроде живой. Как слепой вылезает из кабины и тут же садится на землю. Повезло. Испугом мог бы и не отделаться. Рабочие столпились около тракториста. Что-то орёт прораб.

Кабель – это не перегоревшие пробки. Надолго окажемся без света.

Со свечой в руке в комнату заглядывает мама.

– Серёжа, не посмотришь, что со светом?

– Во дворе электрический кабель повредили. Это надолго.

– Значит, сегодня света не будет?

– Боюсь, что и завтра тоже.

– Вот же напасть какая! Ни почитать, ни телевизор посмотреть. Мы тогда с бабушкой поедem к Татьяне. Там и заночуем. Ты позвони, когда свет дадут. Ладно?

– Ладно. Я тогда тоже куда-нибудь удеру до завтра.

Татьяна – это старшая, замужняя сестра. Места для гостей у них достаточно. С мужем детьми ещё не обзавелись. Удачно как-то подоспела эта авария! Слетаю в Верн прямо сегодня. Вечер – не ночь.

Наблюдаю из маминной комнаты, как мои старушки перебираются через рытвины на другую сторону улицы и возвращаюсь к себе. Напяливаю джинсу. Ощупываю в кармане ключи от своего сказочного владения. В «Морском драконе» вечернее оживление, наверное, ещё только в самом начале. Сажусь в кресло, закрываю глаза и вызываю в воспоминаниях маленький, зелёный дворик с мраморным амурчиком посередине. Что-то не то и не так. Ощущение лёгкости, полёта какое-то очень слабое и не законченное. Открываю глаза – я

дома. Пробую ещё раз. Вообще ничего! Я похолодел. Неужели кончилось? Насовсем? Только без паники!. Может, это временное явление?

Слышу, как в маминой комнате звонит телефон. Бегу.

– Да.

– Сергей, – басит Капитан, – скучно во тьме одному. Если ты не занят, приходи посидеть. И Александр сейчас придёт.

Капитан пару дней как вернулся из голубых далей, и вчера я у него вечером уже был. Ну, и что с того? Ситуация изменилась, а посидеть у него я всегда с удовольствием хоть каждый день, если не занят. Иду к входной двери и, взявшись за ручку, вспоминаю, что ключи от двери в других брюках. Возвращаюсь к себе, беру ключи и на момент задумываюсь. Ай, чего там! Открываю шкаф и достаю заветную бутылочку.

Выскочив из своей квартиры, обнаруживаю у капитановой двери Александра с фонариком, нажимающего кнопку звонка.

– Да, сразу видно гуманитария, не подозревающего, что звонки тоже работают на электричестве.

– Вот черт, это просто машинально. Рефлекс.

Стучу ногой в дверь. Открывает сам Капитан.

– Заползайте.

Заползаем в дверь и при свете фонаря ползём дальше до комнаты. На столе канделябр о трёх горящих свечах. Красиво. Таинственно. Интимно. Садимся вокруг стола. Ставлю бутылочку.

– Капитан, что вы об этом думаете? – Капитан осторожно берет сосуд в руки. Осматривает дно, горлышко.

– Оттуда?

– Оттуда.

– Я думаю, что нужно открыть. А, Александр?

– Я того же мнения.

– Владельца не спрашиваем. Он затем её сюда и притащил.

Капитан достаёт из серванта бокалы и штопор. С многолетней сноровкой ввинчивает инструмент в пробку и с хлопком её выдёргивает. Подносит горлышко к носу и с удивлением смотрит на меня.

– Ага, оно самое, – отвечаю я на немой вопрос.

– Что это, что это, что это? – засуетился Александр

Капитан ещё раз поднёс горлышко к носу, глубоко втянул воздух и произнёс:

– Есть предложение закупорить эту бутылку, не троя содержимого, и использовать сей сосуд в дальнейшем только для услаждения обоняния. Кто против? Трое. Разливаем.

И опытной рукой наливает всем точно поровну пальца на два. Александр сразу суёт свой нос в бокал и на некоторое время застывает в такой позе. С неохотой вынув нос из бокала, Александр заявляет:

– Не предполагал, что такие ароматы существуют в природе. По крайней мере, у нас в школе их нет.

Капитан усмехается, но и сам не приступает к дегустации, водя бокалом вокруг носа. Подаю пример, наклоняя прислонённый к губам бокал так, чтобы жидкость слегка коснулась языка. Остальные делают то же самое. Долго молчим, время от времени манипулируя бокалами.

– Сказочное вино, – наконец в состоянии выговорить Александр.

– Я думаю, ты не далёк от истины, – поддерживает Капитан, с подозрением поглядывая на меня, – можешь ещё добыть?

– Не знаю. Сегодня почему-то мне не удалось туда войти. Хотел спросить: у вас, не бывало ли такого раньше?

– Не припоминаю, – произнёс Александр. – Но это и меня беспокоит. Мне тоже сегодня не удалось уйти никуда.

– Вы оба меня пугаете, честно говоря, – Капитан весь как-то подобрался. – Когда вы пытались?

– Ну, я буквально перед вашим звонком.

– И я тоже.

– Может быть, вы оба пытались одновременно и Дом этого не осилил, – высказал предположение Капитан. – Хотя это не логично. Если Дом допускает наличие одновременно существующих нескольких избранных им, то и совпадение попыток перемещения не должно быть для него сюрпризом и бременем.

– Логика логикой, – заметил Александр, – но налицо и факт, что всё безукоризненно работало десятки лет и вдруг прекратилось без всякого видимого или ощущаемого катаклизма. Также ведь странно. Ни землетрясений, ни извержений, ни бомбёжек даже поодаль не было. А улицу копают уже месяц, и всё до сих пор было ничего.

У меня в голове промелькнул вопрос: «А какое, собственно, событие и для кого или чего можно считать катаклизмом?»

Затрезвонил телефон, и Капитан схватил трубку.

– Слушаю. Здравствуйте, Анна Петровна... Да, знаю... Не знаю... И они здесь у меня с тем же вопросом... Конечно... Ждём, – и обращаясь к нам: – Сейчас придёт. У неё то же самое, что и у вас.

Капитан взял фонарик и вышел в коридор. Хлопнула входная дверь. Осторожные шаги.

– Здравствуйте, Серёжа. Здравствуйте, Александр.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

Капитан пододвинул гостёв стул и достал из серванта ещё один бокал.

– Нет-нет, я не буду.

– Это не для питья, Анна Петровна, а для наслаждения. Непременно нужно попробовать.

– Ну, мои наслаждения далеко все в прошлом.

– Вы напрасно так думаете.

Анна Петровна осторожно взяла бокал, поднесла к лицу и, как заправский дегустатор, повела им по кругу перед носом и замерла, удивлённо взглянув на Капитана. Затем повторила манипуляцию, глубоко вдохнув аромат. Поднесла бокал к губам. Сделала глоточек. Мы не шевелимся, давая ей время спокойно прийти в себя.

– Откуда это чудо, Капитан?

– Сергей откуда-то притащил.

– Королевский напиток. Серёжа, вы ограбили дворцовые погреба?

– Нет, презентовал один кабатчик.

– Можно представить, что за сказочные места вы посещаете, если такое там подают даже в кабаках. Жалко было бы утратить такой источник. Не правда ли?

– Истинная правда.

– Вот и меня очень беспокоит сегодняшний сюрприз. А также удручает, что ничего мы и сделать-то не можем. Поскольку не знаем ни что произошло, ни с чем произошло.

– Ну, с чем произошло, мы можем предполагать. С Домом, – произнёс Александр.

– Не факт, – возразил я, – У меня возникла одна гипотеза после того, как ты заговорил об отсутствующих катаклизмах, которые могли бы вызвать утрату наших необыкновенных возможностей.

– Ну-ка, ну-ка, Серёжа, что вам пришло в голову?

– Понимаете, Анна Петровна, единственное заметное событие, которое произошло поблизости непосредственно перед тем, как мы с Александром попытались недавно переместиться, – это повреждение электрического кабеля у нас во дворе.

– И что? Какое это имеет отношение к Дому?

– Никакого, если источник нашего беспокойства именно Дом.

– Что вы имеете в виду?

– Очень простую вещь. Связь, в общем-то, на поверхности, если отказаться от стереотипа восприятия Дома как источника каких-то эффектов. Отключилось электричество – исчезли эффекты. Тут уже просто логика подсказывает, что между электричеством и эффектами должна быть машина, преобразующая электричество в эффекты. Отключили энергию и остановилась машина.

Дом совершенно не причём. Это просто от неизвестности происхождения эффектов и того, что они происходят только в Доме, мы наделяем Дом свойствами, которыми он на самом деле не обладает. В действительности же, я полагаю, что в Доме или под Домом существует гениально сконструированная и качественно сделанная, почти автономная некоторого рода электрическая машина, которую никто не видел и о которой никто ничего не знает. Починят кабель – и машина заработает опять.

За столом воцарилось молчание. Каждый старался переварить услышанное. Первым пришёл в себя Александр.

– Да-а-а, трудноато поверить в такую машину.

– А в то, что кирпичная кладка может материализовать воображение, тебе поверить легче? – спросил Капитан.

– Аргумент убойный, – согласился Александр, – хотелось бы взглянуть на эту машину.

– Искать надо. Только осторожно, чтобы никто не заметил.

– А надо ли? – опасливо спросила Анна Петровна. – Если машина есть и после ремонта кабеля включится, то зачем её искать?

– Интересно же, Анна Петровна, – вкрадчиво осведомил её Капитан. – А вам не интересно взглянуть бы на такое чудо?

Анна Петровна задумалась на несколько секунд.

– Пожалуй, тоже было бы интересно. Но меня беспокоит, как бы не повредил наш интерес чему-либо. А вы, Серёжа, почему молчите?

– А ему нечего сказать. Он же технарь, и в таком вопросе у него позиция может быть только одна – увидеть и изучить.

– Фигушки, мне есть, что сказать. Во-первых, правильно заметили, что тут нужно действовать с осторожностью, не светиться кучей на людях при поисках. Чтобы никому не пришло в голову за нами следить. Или придумать подходящую легенду.

Во-вторых, опрометчиво бросаться в практические поиски, не разузнав, что возможно, из истории дома и его владельцев. Я думаю, наиболее интересен период между тысяча девятисотым годом и Октябрьской революцией. После этого ничто в доме уже не могло происходить, кроме смены жильцов. А до этого технический уровень вряд ли тот, который нужен.

В-третьих, нужно осведомить обо всём Ахмеда. Его помощь может оказаться очень важной. Он не привлекает внимания и всё знает о состоянии Дома.

В-четвертых, ничего нельзя начинать, пока во дворе не кончатся работы. Слишком много людей, сующихся в каждую щель. Кроме того, посмотрим, восстановится ли всё после ремонта кабеля. Гипотеза есть гипотеза.

– Пожалуй, весьма разумно, несмотря на вашу молодость, Серёжа, – заметила Анна Петровна. – Я со своей стороны разузнаю всё, что возможно, о последних владельцах особняка и поговорю с Ахмедом. Только, Бога ради, осторожнее. Сами понимаете, на какой риск решаемся всего лишь ради любопытства. Мне страшноато.

– Пожалуй, лучше Сергея никто не проведёт это дело, – размышляет вслух Капитан, – и склад ума рациональный, технический, и осторожности не занимать. Пусть будет главарём, а мы поддержкой. Никто не против? Вот и хорошо.

Анна Петровна поднялась, собираясь уходить, но я останавливаю её.

– Анна Петровна, а вы не можете ничего рассказать о двух внезапно пропавших жильцах?

Она опускается обратно на стул.

– Вряд ли. То, что они были избранными, – моё предположение по разным случайным наблюдениям, косвенным признакам. Исчезли одинаково с промежутком примерно в год. Просто их видели возвратившимися домой, а когда заинтересовались долгим отсутствием, то дома не обнаружили. Мужчина был отставным военным, и его спохватились на службе довольно быстро. Девушка – студентка Института культуры – исчезла во время летних каникул. Так что до осени об этом никто и не подозревал. Вещи все были на месте, кроме тех, что они носили на себе. Документы тоже дома. Стало быть, не уехали.

– Нашли более счастливый для себя мир, – прокомментировал Капитан. – Хотя может быть и другое – погибли там.

Анна Петровна ушла, а мы втроём ещё долго сидели и болтали о всякой всячине.

К вечеру воскресенья свет всё-таки дали. Позвонил сестре и оповестил об этом. Мама сказала, что они уж на ночь глядя домой не поедут. Лучше завтра утром. Ладно, опять облачился в джинсу, похлопал себя по карманам. Сел в кресло. Закрыв глаза. Дворик, скамейка, амур...

Второе, предосеннее цветение жасмина. В воздухе ни ветерка. Во дворике аромат просто обалденный. Сумерки. Тишина. Значит, моя гипотеза подтвердилась. Машина существует! Ну и Бог с ней! Она не здесь. Разваливаюсь на скамейке. Благодать! Небо уходит в какую-то бездну вверх. Звёзды ещё не очень чётко видны.

Вроде хлопнула наружная дверь. Тень мелькнула в кухонном окне. Открылась дверь во двор.

– Серж, это вы здесь?

– Я, Жанна. Ненадолго. Скоро уйду.

– В доме ничего нет. Может, сходить в таверну, принести что-нибудь на ужин?

А ведь это отличная идея. Поднимаюсь в спальню. Открываю шкатулку. Женское любопытство неистребимо. Монетки, высыпанные мною поверх бумаг, теперь под бумагами. Спускаюсь вниз. Даю Жанне серебряную монету.

– А ты будешь есть?

– Если только чуть-чуть.

– Ладно, принеси жареную курицу, кувшин пива и бутылочку вина. Колин знает, какого.

Не прошло и десяти минут, как мы сидим внизу за столом, уплетаем горячую курицу и запиваем пивом. Видно, Жанна свистнула курицу, предназначенную для клиента. Тот долго ещё будет ждать своего заказа!

Спрашиваю Жанну:

– Ты слушаем не слышала, выходят ли сейчас в порту из моря рыцари?

– Нет. После вашего отъезда их никто больше не видел.

Отлично. Значит, кошелек принцессы я отработал. Допиваю пиво, и Жанна понесла посуду на кухню.

– Жанна, сегодня убирать не надо. Лучше завтра, и запри за собой дверь.

Опять сижу на скамейке и смотрю вверх. Бездонное небо вот-вот упадёт прямо на меня. Вместе со звёздами. Надо спастись. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом...

Работы во дворе закончились, и даже всё заасфальтировали. С чего начать, не представляю. С Ахмедом ещё не говорил. Хотя Анна Петровна и сказала как-то при случайной встрече, что можно. А так всё как обычно:

- Здравствуй, Ахмед.
- Здравствуй, милоч, как мама, бабушка?
- Спасибо, всё в порядке.

И больше ничего. Капитан сидит дома. Это у него называется отпуском. А может, не сидит? Он не связан работой в школе, как Александр и присутствием родственников, как я. И правильно делает, если не сидит.

Заглядывает мама.

- Серёжа, к телефону. Анна Петровна.
- Здравствуйте, Анна Петровна.
- Серёжа, Александр и Ахмед уже у меня. Капитан сейчас подойдёт. Составите нам компанию?
- Непременно.

Вот так случай! Мы все сразу – гости у Анны Петровны. Не произошло ли чего? Быстренько собираюсь. Взять или не взять? Возьму! Дверь, лестница, опять дверь, но ниже этажом. Нажимаю кнопку звонка. Открывает хозяйка.

- Проходите, Серёжа. И Капитан уже пришёл.

Все сидят за столом в комнате с камином. Капитан и Александр немного скованны неожиданным приглашением сюда. Сейчас разрядим обстановку. Ставлю в центр стола бутылочку.

- Пжалста!
- Серёжа, вот это уж, наверное, лишнее. Хотя честно признаюсь, что в прошлый раз я получила несравненное удовольствие от этого нектара.
- Анна Петровна, прошу вас, не оскорбляйте словом «нектар» это чудо, неописуемое словами.
- Ладно, ладно, сейчас принесу бокалы. Капитан, штопор где-то на кухне. Найдёте кухню?

- Попытаюсь, – и исчез в коридоре.

Итак, кухня найдена, штопор обнаружен, бутылка откупорена, вино налито, Ахмед поражён, священнодействие прошло благополучно, беседа начата.

– Я, конечно, – начала Анна Петровна, – бывшим владельцам этого особняка как родственница – седьмая вода на киселе. Последним владельцем Дома был Генрих Швейцер, а предпоследним – его старший брат Адам Швейцер. По отдалённости родства никакие фамильные документы Швейцеров переходить к моей линии никак не могли. Так что все добытые сведения – это просто те или иные свидетельства с чужих слов. Но картина из них складывается весьма любопытная.

Баронство Швейцеры получили в России где-то во времена Екатерины Второй. Тогда же и зародилось их богатство, которое к концу девятнадцатого века достигло внушительных размеров. Правда, распределилось оно по-разному. Основная часть отошла к Адаму Швейцеру, жившему в России. Он построил этот особняк и вёл светскую жизнь прожигателя. Правда, денег было больше, чем он мог пустить на ветер.

Но и Генрих Швейцер не бедствовал. Ещё в юности у него обнаружили большие способности к наукам, и его отправили на учёбу в Германию. Там он и остался почти на всю жизнь. Его интересы и таланты распространялись на теоретическую физику и химию, практическую электротехнику и механику, хирургию и психологию, минералогию и биологию

и Бог знает на что ещё. Он был профессором Гейдельбергского университета и прослыл там как сумасброд. Был оттуда изгнан за опасные и ненаучные опыты по передаче энергии без проводов.

Примерно в это время умирает Адам Швейцер, и всё состояние семьи оказывается в руках Генриха. В 1903 году он переезжает в Россию и поселяется в этом особняке. До 1907 года о нем ничего не слышно, кроме того, что он всё время проводит в своём кабинете или библиотеке. Есть непроверяемые слухи, что он переписывался с Николой Теслой. Но в 1907 году затевается реконструкция особняка. В дом проводится электричество. Дырявятся стены, и устанавливается паровое отопление с кочегаркой в подвале. Некоторые помещения первого этажа перестраиваются и становятся похожими то ли на лаборатории, то ли на мастерские.

Генрих носится по Петербургу и размещает где только возможно заказы на всякие непонятные, диковинные приборы, детали, агрегаты. Никаких денег не жалеет. Всё это свозится в особняк. К 1912 году видимая активность Генриха стихает, а особняк напоминает неприступную крепость. Никто в него не допускается, а прислуга, не знающая русского языка, выписывается из Германии. И опять – лишь невнятные слухи о якобы исчезающих и появляющихся предметах и животных.

Осенью 1917 года Генрих уничтожает оборудование своих мастерских-лабораторий. Изломанный до неузнаваемости хлам вывозят возами. Прислуга отправляется в Германию. Есть сведения о получении Генрихом документов для выезда в Ревель, но там он так и не появился. Так что возможна инсценировка намерения уехать. Капиталы были переведены в немецкие банки, но так и не были востребованы. О смерти такой довольно видной фигуры ничего не известно. В этот момент Генриху было шестьдесят шесть лет.

И ещё одна странность. Когда комиссары взламывали двери особняка, то они оказались запёртыми изнутри, но в здании никого не обнаружили. Вот, в общем, и всё, что удалось узнать.

– И это совсем не мало, – оценил Капитан, – теперь мы, во всяком случае, точно знаем, что в Доме велись научно-технические работы. Видимое уничтожено, а тайное сокрыто. Будем исходить из этого. Сергей, а ты чего скажешь?

– Скажу, что я шляпа.

– Смотри, самокритика до добра не доведёт.

– Я как-то задумывался над тем, что говорил мне Александр о том, что за пределы дома возможность перемещения не распространяется.

– Ну, и что?

– Это возможно, если чем-то экранировать внутренний объем дома от внешнего мира. Экран может быть сплошной или в виде сетки, решётки, но обязательно металлический. Причём этот экран можно использовать, как внешнюю границу, так и для генерации внутри него каких-либо ситуаций, событий при помощи наведения полей. Генрих Швейцер сделал в Доме как бы невидимый экран. При этом сетка экрана перед глазами. Он опутал сверху донизу изнутри фасадную и дворовую стены здания трубами и радиаторами парового отопления и использовал эту сеть не только для обогрева. Кому придёт в голову, что трубы подключены не только к котлу, но и к какой-то, упрощённо говоря, электрической машине для совсем других целей.

– Трубы-то ведь меняли, – заметил Ахмед.

– Кронштейны-то креплений труб наверняка старые остались. Вот через них и контакт.

– Допустим, но и что из этого следует? – спросил Капитан.

– Следует, что любой физик меня засмеёт. Чтобы при таких условиях создать между отопительными трубами на противоположных стенах сколько-нибудь заметное поле, нужна огромная энергия. А её наличия здесь не наблюдается. Правда, это по современным пред-

ставлениям. Мы не знаем, что использовал Генрих, зачем и как. Например, некоторые опыты Теслы столетней давности современная наука не может воспроизвести до сих пор. Тесла многие секреты унёс в могилу. Генрих тоже что-то куда-то унёс.

– Серёжа, – напомнила о себе Анна Петровна, – так чем-то всё это поможет всё-таки или нет?

– Ещё как поможет! Я думаю, что при таком раскладе поиски нужно вести где-то в районе бывшей кочегарки. В подвале, под землёй или на первом этаже. Обосновать не берусь. Просто интуиция. Вряд ли Генрих стал бы прятать машину там, где её легко обнаружить, а доступ и коммуникации к ней затруднены и заметны. То есть не стал бы прятать её высоко над землёй.

На следующий день я приступил к изысканиям. Наш подвал требует тщательного изучения. Ещё по мальчишеским нашествиям в него помню высокие кирпичные своды, клетушки для дров с намалёванными надписями номеров квартир и всякий интересный хлам, хранившийся в этих клетушках. Уже в то время дров никаких не было, а сейчас не должно быть и клетушек. Вроде бы их ломали по требованию пожарных.

Дровяной период в Доме – это переход от капитализма к развитому социализму. Когда вышла из строя отопительная система, построенная последним дореволюционным владельцем Дома, то ремонтировать ее не стали, а запустили имеющиеся печи. Потом, лет через тридцать, провели центральное отопление и в целях экономии затрат труда провели все трубы по местам прокладки предшествовавшей системы. Хотя старая система и имела местами довольно странную конфигурацию. Зато метровые стены долбить не понадобилось.

Пора задействовать Ахмеда. Вешаю на плечо сумку с некоторыми причиндалами искателя кладов и выхожу на улицу. Да вот и он. Расковыривает палкой от метлы щели забитого листьями дождевого люка.

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милоч, как мама, бабушка?

– Спасибо, всё в порядке. Ахмед, как бы нам с тобой посмотреть подвал?

– Как посмотреть? Очень просто! Отпереть, зайти и смотри сколько хочешь. Пошли.

И в самом деле – всё оказалось очень просто. Завернули во двор, спустились на несколько ступенек. Ахмед отпёр сильно подгнившую снизу, скрипучую дверь, повернул выключатель и шагнул вперёд. Я за ним. И действительно – клетушек для дров уже нет. Ряд тусклых лампочек под потолком, который я при своём среднем росте с трудом достаю рукой. Не фонтан, конечно, освещение, но пойдёт. Для рассматривания мелочей есть фонарик. Хороший подвал в секционном фундаменте. Сухой, несмотря на идущие по нему трубы отопления и воды. Пол чисто выметен Ахмедом. Почти идеальное помещение под склад чего-нибудь. В ЖЭКе как раз это и сообразили. В ближайших к двери секциях мешки, ящики, доски, какие-то железки, но завалов, мешающих осмотру, нет.

– Что будем искать? – спрашивает Ахмед.

– Сам не знаю, Ахмед. Что-нибудь странное, не характерное для простого подвала. Впадины, выступы, щели, нарушение кладки стен. В общем, что-то выделяющееся хоть чуть-чуть.

Сначала обходим подвал из конца в конец. В одном конце стена, а в другом – обложенный кирпичом отопительный котёл с двумя топками и литой табличкой производителя на немецком языке. Справа от него – выложенный с трёх сторон и по полу толстыми стальными листами, похожий на совок бункер для угля. Сбоку под потолком – наглухо забитое загрузочное окошко. Слева над котлом – начисто сгнившая вентиляционная труба. Ничего примечательного.

– Ахмед, двигаемся обратно. Ты по той стене, а я по этой. Осматривать всё от пола до потолка.

Встретились в тупике часа через полтора. Пусто.

– Пойдём обратно. Кроме котельной, осматривать больше нечего.

Вернулись к котлу. Рядом в потолок уходят трубы центрального отопления. Вокруг них разлом. Видно, выдирали старые трубы. Осматриваю котёл снаружи, заглядываю в топки – и самому становится смешно. В подвале нет и намёка на что-то нужное. Напоследок потоптался в совке угольного бункера. Попинал железо – звук глухой, как и должен быть.

– Ахмед, интересно, а почему это железо не сдали в металлолом?

– Пытались. Не оторвать ни от стены, ни от пола. Со стороны котла и не пробовали. Побоялись, что завалится вся стенка котла. Наверное, листы с выступами, вмурованными в стены и пол.

И действительно – край стенового листа слегка погнут, а в кирпиче стены щербина. Следы лома. На полу то же самое.

– Так рабочие и ушли почти ни с чем, – продолжает Ахмед, – только верхний, откидывающийся лист и крюк для него со стены сорвали и унесли.

– Что за лист и крюк? Откуда?

– Да вон там висел крюк, – показывает Ахмед на стену над дальним концом бункера, – а короткий лист был на петлях наверху бункера. Его можно было откинуть стоймя и зацепить крюком, чтобы не мешал засыпать в бункер уголь.

Метрах в двух от пола действительно видны два отверстия от вырванной скобы, а на стенках бункера – след оторванных петель. Непонятно, для чего была нужна эта откидная крышка. Она только мешает. Больше для очистки совести, чем интереса прошу Ахмеда описать этот крюк. Он старательно выцарапывает на полу форму крюка и скобы. Это уже любопытно.

– А как он висел?

– Вот так.

Ещё интереснее. Мелькает шальная мысль, что эта ненужная крышка требовалась лишь для маскировки действительного назначения крюка. Достают рулетку и меряют длину листа на полу и высоту до дырок вырванной скобы. Совпадает. Опускаюсь на колени и обследую стыки боковых и нижнего листов. Стыков нет. Есть узкие зазоры, по всей длине забитые угольной пылью. Выпрямляюсь и начинаю соображать. Пожалуй, нам с Ахмедом вдвоём быстро не справиться. Нужна подмога.

– Ахмед, сделай, пожалуйста, доброе дело. Позови Капитана и Александра. Да, и Анну Петровну. Предупреди её, что может оказаться грязно. Всем скажи, чтобы постарались пройти незаметно. Сумерки помогут.

Ахмед мгновенно испарился. Минуты через три в подвал ввалился Капитан. В выходном кителе и с огромным фонарём. Чуть погодя – Александр с Ахмедом. Анна Петровна подзадержалась. Зато пришла одетая непрезентабельно, как домохозяйка. Я объяснил первую задачу.

– Первым делом запереть дверь.

Имеющиеся в соседней секции доски чуть коротковаты. Не хватает между дверью и противоположной стеной. Подложили один из ящиков. Заклинили дверь. Подошли к котельной. Я объяснил вторую задачу.

– Осматриваем и ощупываем каждый сантиметр стен. Ищем, как в приключенческом фильме о поиске сокровищ, какую-нибудь шутовину, которую можно повернуть, нажать, потянуть рукой или пнуть ногой. Она обязательно должна быть. Александр идёт ко входу по левой стене, Капитан по правой. Мы с Ахмедом осматриваем котёл и стены у котла. Для Анны Петровны работы пока нет. Будем считать, что она стоит на стрёме. Все, начали!

Какие же они грязные, эти внешне чистые кирпичи! Мы с Ахмедом заканчиваем довольно быстро. Пусто. Вдруг я ошибаюсь и все признаки какого-то тайника – просто совпадение, ничего не значащее. Ведь чтобы попасть в тайник, нужно разгрузить бункер от угля. То есть доступ к нему слишком сложный, долгий и оставляет следы.

– У меня вроде что-то есть, – доносится голос Александра из-за второй от котельной секции стенки.

Это «что-то» – чуть шевелящийся кирпич на уровне плеча и на расстоянии двух кирпичей от угла. При лёгком нажатии он немного поддаётся и возвращается назад, точно сливаясь со швами между кирпичей. Не мудрено, что мы с Ахмедом ничего не заметили, просто осматривая стены. Надо же – меньше часа прошло и нашли-таки! Выглядываю за угол.

– Анна Петровна, отойдите, пожалуйста, от железки, – и сильно нажимаю на кирпич.

Глухой металлический щелчок – и передний край листа на полу приподнимается сантиметров на пять-шесть. Кирпич на место не возвращается.

– Ахмед, наступи на лист ногой.

Опять глухой щелчок – и кирпич встаёт на место. Лист прижат к полу. Всё прекрасно работает. Нажимаю ещё раз на кирпич, и все подходим к бункеру.

– Капитан, а ваш кителечёк-то выходной что-то на робу штукатурка стал похож, – гаденько хихикает Александр.

– С вами поведёшься, то и не в такое вляпаешься, – благодушно реагирует Капитан, – зато теперь мне не страшно и эту крышку поднять.

Капитан с натугой поднимает край листа, ставя его почти вертикально. Оказывается, что лист поворачивается на петлях, скрытых под ним. Под листом большой, продолговатый люк, заложенный досками вровень с полом.

– А я ведь не смогу долго эту тяжесть держать. Надо подпереть чем-нибудь.

Быстренько разбираем доски люка и парой из них подпираем железный лист. На всякий случай бросаю и доску поперёк люка. Теперь если лист и упадёт, то не захлопнется на запоры.

– Вон там, на стене раньше был крюк, которым цепляли край листа, чтобы он держался открытым, – объясняю я. – Современные искатели металлолома его спёрли.

Вниз ведут ступени с поручнями. Капитан посветил своим фонарём.

– Метра четыре глубина. Пошли?

– Сейчас увидим машину? – почти шёпотом спрашивает Анна Петровна.

– Вряд ли. Слишком доступ сложный для регулировки, ухода. Там что-то другое. Что можно закрыть и надолго забыть. Но, что бы и ни было, нужно посмотреть. Ахмед, присматривай за Анной Петровной.

Гуськом спускаемся вниз за Капитаном и его фонарём. Внизу не очень длинный и довольно высокий проход шириной поболее метра, выложенный кирпичом.

– Ребята, – раздаётся голос Капитана, – а на потолке лампочка висит. Ищите выключатель.

Старый, поворотный выключатель действительно находится у самой лестницы. Мы уже и не удивляемся тому, что он срабатывает. Лампочка вовсе не единственная. Впереди висит ещё такой же старинный осветительный прибор с клювиком запайки колбы. А конец прохода освещён уже изнутри находящегося там помещения.

– Ого! – слышится возглас Капитана.

Подталкивая его в спину, все пятеро вступаем в помещение. Не маленькое. Метров сто квадратных с лишним по площади и метра два с половиной-три в высоту. В середине толстая колонна – понятно, зачем. Мы же под фундаментом. Почти всё пространство заставлено рядами закрытых сосудов разной формы с переплетением трубок между ними. Медные и латунные, цилиндрические, кубические и сферические, большие и маленькие, одиночные или в несколько этажей, с крышками на болтах и цельные. На некоторых – сверху застек-

лённые круглые окошечки. Пыли почти нет. Да и откуда ей взяться в этом склепе? Металл потемнел от времени, но зелени окиси мало – сухо. Одна из стен во всю длину и до потолка заставлена большими стеклянными цилиндрами, положенными на бок. Внутри каждого – широкая медная лента, скрученная в плотную спираль. А в стекло впаяны выводы, соединённые проводами с другими цилиндрами.

Народ разбредается по проходам и молча разглядывает таинственные предметы.

На всякий случай предупреждаю:

– К стеклянным банкам близко не подходите. Похоже, что это что-то вроде конденсаторов или батарей. Заряд в них может оказаться очень мощным и опасным для близко стоящего человека.

Себе выбрал для осмотра самую большую сферу. Около метра в диаметре, стоящую на треножнике. Если, подсвечивая фонариком, заглянуть в маленький иллюминатор наверху, то видна перегородка почти до верха сферы, делящая сферу на две равные части. Там и там какие-то жидкости, налитые больше, чем до половины сферы. Поднимающиеся снизу пузырьки медленно, лениво лопаются в одной части и очень быстро в другой. Стало быть, жидкости разные – вязкая и текучая.

Быстро прикасаюсь к сфере пальцем. Ничего. Прикладываю ладонь со стороны вязкой жидкости. Поверхность сферы тёплая! Прикладываю с другой стороны – очень холодная. От сферы тянутся три трубки и, не соприкасаясь друг с другом, исчезают в стене рядом с другими трубками и проводами. Две из них начинаются внизу сферы от секций с жидкостями, а третья – от общего пустого верха. Внутри есть и что-то ещё, но не разглядеть.

Не сразу и заметишь, но в самом низу сферы есть изолятор с выводом, провод от которого тоже уходит в стену. И самое поразительное: если приложить ладонь к поверхности сферы на границе жидкостей, то чувствуется лёгкое щекотание ладони. А если две ладони одновременно приложить к поверхности сферы в теплом и холодном секторах, то по контуру пальцев, ладоней возникает слабое, зеленоватое свечение.

Медленно прохожу вдоль рядов сосудов. Анна Петровна следует за мной. А Ахмед как замороженный наблюдает, как в одном из цилиндрических баков вверх и вниз медленно движется проходящий через крышку шток. Одни посудины молчат, а в других что-то тихо журчит, переливается или шуршит. В одной из сфер совсем не жидкость, а какая-то, видимо, тяжёлая пыль темно-красного цвета. Она колеблется, расходясь от центра концентрическими волнами. Время от времени волны на мгновение замирают, а затем продолжают свой бесконечный и медленный бег.

– Так ты полагаешь, что это не машина? – нарушает молчание Капитан.

– Часть машины. Наверное, собирающая, накапливающая и преобразующая энергию.

– Собирающая-то откуда?

– А я могу знать? Могу только предполагать. Мы убедились несколько дней назад, что для работы ей нужно электричество. Но если бы она была присоединена к сети, то её давно бы уж обнаружили по утечкам или при замене кабелей. Однако если разбросать на путях токонесущих проводов, кабелей катушки индуктивности, то можно высасывать незаметно из этих проводов энергию за счёт индукции. Немного, но тем не менее. Может быть, Генрих Швейцер что-нибудь вроде этого и использовал. Даже немного высасывая, накопить можно очень много. Нужно только время. При существующем расходе электричества в доме такие потери просто незаметны. Ладно, пожалуй, нам пора выходить.

На пороге прохода я обернулся и ещё раз окинул взглядом эту беззвучную и необыкновенную для современного человека картину творчества сумасбродного изобретателя. Только вот сумасбродного ли?

Капитан подержал железку, пока мы убирали подпорки и застилали досками люк. Лист с лёгким грохотом прилип к полу. Разошлись молча, словно чем-то озабоченные, подавлен-

ные, обманутые в ожиданиях и фантазиях. И, действительно – современные представления формируют и соответствующие фантазии. Если речь об электрической машине, то даже с ожиданием её примитивности возникают в воображении провода, кабели, рубильники, изоляторы, гудящие трансформаторы, разряды и всё такое прочее. А тут вдруг булькающие бутылки и лохани! Есть от чего впасть в недоумение и раздражение.

Совсем упускается из вида, что сами сосуды и трубки – это проводники. А жидкости в них – одновременно и реактивы, и проводники с самыми разными свойствами. Виденный нами набор внешне примитивных агрегатов на самом деле по сути может оказаться много сложнее современных электрических машин. Наверное, мы видели электрохимическую систему с непрерывно меняющимися в огромном диапазоне параметрами, свойствами элементов. Современной науке такие вещи ещё не известны.

Если прикинуть примерное расстояние от люка, в который мы спускались в кочегарке, и до проводов и трубок, уходящих в стену вниз, то получается где-то середина Дома. В подвале больше искать нечего. Кладка не тронута. Остаётся первый этаж, подвергавшийся перестройке Генрихом Швейцером. Пожалуй, здесь будет гораздо проще, чем в подвале. Промерить контур Дома и сопоставить с контурами доступных помещений первого этажа. Если всё совпадёт, то никакого тайника тут нет. А если есть, то проявится неизвестное «белое пятно». Разумеется, если оно, действительно, на первом этаже. В общем-то главная тайна Швейцера состоит не в местонахождении тайника, а в его существовании вообще.

На следующий день после изысканий в подвале мы с Александром вышли на рекогносцировку, с неподражаемым артистизмом прикидываясь как бы гуляющими у Дома. Первым делом отбросили из рассмотрения квартиру слева от арки ворот и саму арку. Остаток фасада промеряли большими шагами. Свернули в арку и прошагали ширину дома. В этом прямоугольнике с края помещаются квартира Ахмеда, выходящая на улицу и во двор, наша «барская» парадная и бывшая прачечная со двора между Ахмедом и аркой ворот. Прачечная – это теперь дворницкая, где Ахмед хранит свой нехитрый инвентарь. Прошагали длину прачечной. Постучали в окно Ахмеду и попросили её открыть. Длинное помещение, задняя стена которого скошена, расширяя помещение книзу. Промерили ширину прачечной. Осталась наша парадная. Прошагали и её глубину вниз, широченный первый лестничный марш и глубину первой лестничной площадки.

Сложные математические вычисления на уровне первого класса школы показали наличие пустоты размером примерно шесть на одиннадцать шагов, ограниченной аркой, прачечной, квартирой Ахмеда и нашей парадной. С учётом стен – это примерно пять на десять метров. Полста метров! Как такая большая площадь могла быть не обнаружена при официальных промерах планировки Дома? Надо смотреть документы.

Попросил Ахмеда взять у паспортистки жилищную форму семь для своей квартиры. Там должны быть указаны некоторые размеры и смежных помещений. На следующий день Ахмед мне её принёс. У мамы с бабушкой всегда полно разных старых справок. Среди них нашлась и форма семь десятилетней давности на мамино жилье.

Сел рассматривать справки. На маминой – глубина или длина лестничной клетки указана, как и есть в натуре, для третьего этажа. Полностью от фасадной до дворовой стен дома. На справке Ахмеда для первого этажа есть его квартира, часть прачечной и урезанный на ширину прачечной первый марш главной лестницы. Соответственно, глубина лестничной клетки указана как глубина для верхнего этажа минус ширина прачечной.

Дело в том, что первый этаж существенно ниже верхних, и помещение со стороны двора своей задней стороной находится под главной лестницей и полностью скрыто ей. Из парадной место этой задней стороны не видно и размеры по прямой не определить. А вычислять размеры по углу наклона лестницы, чтобы узнать, что там на самом деле под

ступеньками, никто не стал или не смог. Стало понятно, и почему задняя стена прачечной скошена. Это имитация ограничения помещения парадной лестницей, которого на самом деле для прачечной нет. Предусмотрителен Генрих Швейцер. Всё больше и больше он мне нравится и внушает уважение.

Ладно, тайник, допустим, нашли. Дальше что? Как войти? Правда, мест для входа раз-два и обчёлся. Туда не будешь входить из-под арки ворот. Из парадной сквозь ступеньки не войдёшь. Из прачечной через косую стену – маловероятно. Неудобно. Остаётся квартирка Ахмеда с потайной дверью или опять-таки подвал с потайным люком. Квартирка Ахмеда стоит аккурат прямо над кочегаркой.

Возникают две логичные вероятности. Для лёгкого доступа к машине потайная дверь должна быть от Ахмеда. Для лёгкого доступа к системе энергообеспечения должен быть люк прямо в подвал. Самое удобное – иметь то и другое. Я уже убеждён, что именно Швейцер сделал бы именно так. Правда, в этом случае люк в подвал может быть либо от Ахмеда, либо из тайника. Если найдётся из подвала люк к Ахмеду, то это интересно, но бесполезно. В тайник-то мы не попадём. Как ни крути, сначала нужно осмотреть стену у Ахмеда. Вдруг найдётся хоть какой-нибудь намёк.

Сопровождающий меня сегодня Капитан предлагает:

– Как-то неудобно врываться просто с делом. Всё-таки как ни крути, а он наш равноправный, так сказать, соратник. Неплохо бы уважить старика чем-нибудь.

– Согласен. Может, тортик купим и навяжемся на чай?

– Идёт.

Забегает в гастроном, и я собираюсь выбить фруктовый тортик.

– Стоп, стоп, ты что, собираешься делить это пирожное на троих мужиков? Бери большой и чай в жестянке.

Пришлось раскошелиться. Капитан стучит в дверь.

– Ахмед, примешь гостей на чай? Чай наш.

– А торт тоже ваш? – улыбается Ахмед.

– Наш, наш.

– Тогда так уж и быть, заходите.

Заходим. Отдаём хозяину гостинцы и садимся за стол. Через пять минут чай заварен, разлит, торт нарезан, и мы приступаем к светской беседе о погоде, затруднённой набитыми тортом ртами. Тем не менее, мы с Капитаном понимаем: Ахмед не очень-то верит, что мы припёрлись исключительно ради чая и пережевывания костей синоптикам.

– Ты нас обижаешь, Ахмед, – кипит Капитан, – мы с открытой душой, а ты такие предположения строишь. Ну, есть у нас с собой бумажка с разными размерами. Ну, надо тут и у тебя кое-что померить. Неужели мы стали бы скрывать свои намерения за каким-то фруктовым тортом? Которого, кстати, уже и нет. Но раз уж ты так настаиваешь на своём, то вот в чём дело...

И Капитан изложил имеющиеся соображения.

– Понятно, – согласился Ахмед, – давайте поищем.

Хотя искать-то, собственно, и нечего. Всё и так на виду. Примерно в том месте, где должна быть стенка тайника, имеется стенная ниша со старинным встроенным шкафом тёмного дерева. Две застеклённые дверцы верхней половины. Ниже – две открытые полки нормальной высоты и низенькая полка, вероятно, для домашней обуви, почти у самого пола. Стенные ниши со шкафами для архитектуры того времени – дело характерное. Однако делаются они в капитальных стенах большой толщины. Эта же стена, судя по плану, не шире длины кирпича. Шкафа здесь быть не должно. Он глубже толщины стены.

Для очистки совести промеряем рулеткой. Да, вроде то место. Ахмед опустошает шкаф, и мы с ним начинаем его исследовать. Капитану осталась самая трудная миссия –

давать советы. Чем он и начинает нас изводить. Однако бесполезно. Элементы декора шкафа не поворачиваются. Никакие досочки не сдвигаются. Полки не вынимаются. Дёргать не за что. Никакие гвоздики не нажимаются – их просто нет. По стуку похоже, что шкаф сзади из толстенных досок.

Наконец мы с Ахмедом сдаёмся и, разойдясь в стороны, начинаем ощупывать стены. А что толку шарить по стенам, если они заклеены не одним слоем обоев! Никаких элементов, сопоставимых по старине со шкафом, в квартире больше не наблюдается. Садимся и с горя начинаем пить чай без торта. Капитан же сменил нас в шкафных изысканиях, и я его время от времени подбадриваю его же собственными советами. Но и он в конце концов сдался и присоединился к нам.

– Может, взломать его к черту? – предлагает радикальное решение Капитан.

– Ага, и для ремонта пригласим столяра со стороны. А может, вы сами, Капитан, умеете починять старинные мебели?

– Как я понимаю, – в раздумье произносит Ахмед, – пойдём опять в подвал искать люк, который, вы думаете, там должен быть.

– Пойдём, а что ещё делать? Капитан, в выходной кителёк переодеваться будете?

В подвал пришёл ещё и Александр. Чуть ли не с порога отпустил ту же самую шутку про капитанский кителёк. Никто даже слегка не улыбнулся. Это его настолько сильно озадачило, что он поинтересовался:

– Мы что, кого-нибудь хороним?

– Хороним бородатые шутки, – сообщил Капитан.

– И когда это моя успела так постареть?

Капитан взглянул на часы:

– Уже скоро как полчаса.

Подпираем дверь в подвал доской и топаем к кочегарке. Отмеряем ширину квартиры Ахмеда. За этой чертой начинается пол тайника. Дружно уставились в потолок. Потом друг на друга. Вернулись к двери. Убрали доску. Ахмед вышел и вернулся с железной трубкой метра два длиной. Подпёрли дверь. Вернулись в кочегарку, и я начал тихонько простукивать трубой потолок.

Проход туда, по предполагаемой ширине тайника, а потом обратно. Проход туда, а потом обратно. И так – постукивая через каждые десять сантиметров. На восьмом проходе звук стал вроде ощутимо звонче. Тыкаю туда – глухо. Тыкаю сюда – звонко. Тык-тык, тык-тык, тык-тык. По звуку обозначился прямоугольник где-то сантиметров восемьдесят на метр. По виду абсолютно ничем не отличается от такого же, как и везде, кирпича. Всё оказалось на удивление просто. Когда знаешь, что и где искать.

Опять уставились друг на друга.

– А это, в общем-то, хорошо, что люк вроде бы не на стороне квартиры Ахмеда. А то опять оказались бы перед проблемой шкафа.

Капитан забрал у меня трубу, упёр в середину наметившегося прямоугольника и нажал вверх. Совершенно беззвучно кусок потолка начал откидываться на невидимых петлях, образуя прямоугольную щель. Капитан отпустил трубу, и щель исчезла. Никаких следов люка.

Мы опять уставились друг на друга. Потопали к двери. Убрали доску, Ахмед вышел и через пять минут приволок полутораметровую стремянку. Водрузили ее под люком и вопросительно уставились на Капитана.

– Опять я?

– Капитан всегда должен быть впереди! – с пафосом отвечивал Александр.

– Анну Петровну не позвали.

– Не увиливайте, Капитан, Анну Петровну мы введём через главный вход в машинный зал. Да и с вашим фонарём, кроме вас, вряд ли кто справится.

Капитан притворно вздохнул и, всем телом изображая тягостную обязанность, полез на стремянку. Крышка люка без видимого сопротивления откинулась и встала где-то там внутри, стукнувшись в какой-то упор. Капитан поднялся на пару ступенек и, встав на верхнюю площадку стремянки, по пояс исчез в дыре. Интересно, а как он полезет дальше? Ступенек больше нет.

Там, наверху что-то лязгнуло, и вниз вылезло несколько ступенек с поручнями. Капитан ступил на них и исчез в дыре. Смотри-ка – и здесь Швейцер предусмотрел всё.

– Эй, вы там, в трюме! Все наверх! – послышалась команда Капитана.

Мы беспрекословно подчинились. А Капитан-то сообразителен. Как только влез, то сразу разыскал выключатель и зажёл свет, который и здесь в рабочем состоянии. Когда все влезли, последовала следующая командная директива:

– Смотреть можно, но руками ничего не хватать. Оторву!

По интонации беспокойства и решимости чувствуется, что может и оторвать. А если и не руки, то, во всяком случае, голову-то запросто! Хотя Капитан прекрасно понимает, что никто и сам ничего трогать не рискнёт.

Осматриваюсь и прислушиваюсь. Никаких звуков, характерных для работающих электрических или каких-либо других машин. Довольно свободная площадка у стены, прилегающей к обиталищу Ахмеда. Люк почти у самой стены, к которой прикреплена конструкция со скользящей по ней и спускающейся в люк лесенкой. Судя по всему, лесенку можно спускать и фиксировать на любую длину, включая до пола подвала. Тут же, неподалёку – небольшой столик-конторка и стул.

А вот и дверь чуть в стороне от люка. Поворотная, странно длинная ручка, смахивающая на судовой клинкет. В противоположную сторону тянется довольно широкий, больше метра в ширину проход, по обе стороны которого почти до самого потолка всё заставлено какими-то устройствами, приборами, агрегатами.

– Теперь моя установка, – говорю я. – В сторону приборов сейчас никто не идёт. Прежде разберёмся с входом-выходом. Потом сначала я сам пройду в даль и посмотрю, нет ли чего опасного для нас или от нас машине. Это будет не сегодня. Нужно добыть кое-какие контрольные приборы. Надежды на них немного, но всё же лучше, чем ничего. А сейчас смотрим дверь и убираем всё из подвала.

Понятно, почему ручка двери с таким длинным рычагом. Идёт вниз очень туго. Дверь-шкаф бесшумно распаивается в жилище Ахмеда. Круто! Интересно, как срабатывает механизм с обратной стороны?

– Александр, понажимай на ручку, а я с другой стороны посмотрю. Так, так, хватит.

Опять-таки – как всё просто! Поворот ручки вызывает наклон самой нижней полки. Той, которая для обуви. А тугое срабатывание нужно для того, чтобы дверь не растворилась при случайном нажатии, не очень большом весе предметов на ней. Для того полка и очень низенькая. Чтобы ничего тяжёлого на неё нельзя было поставить. Захлопываю дверь и сильно нажимаю ногой на нижнюю полку. Дверь немного приоткрылась. Теперь её можно легко распахнуть рукой. В наружной, боковой стенке шкафа даже есть углубление, чтобы зацепиться пальцами.

– На сегодня, пожалуй, всё. Лезем вниз и убираем следы преступления.

Уходя, я взглядываю на крышку люка. Интересно, почему Капитану удалось её так легко поднять? Мощные деревянные доски, на которых закреплена керамическая плита толщиной всего сантиметра четыре со структурой кирпича, и совершенно натуральной имитацией швов из раствора. Потому и лёгкая. На краю крышки задвижка. Нам просто повезло,

что она не была закрыта. Капитан, спускаясь последним, убирает лесенку и опускает люк. Где люк, где не люк, различить невозможно.

Убираем доску от двери в подвал и выходим во двор. Оказывается, нас тут уже ждут три тётки из дворового флигеля. Хотя делают вид, что просто случайно встретились соседки и остановились поболтать. Одна из них окликает Александра:

– Учитель, а вы что-то зачастили целой компанией в подвал. Вчера ходили и сегодня вот. Клад ищите?

Пока Александр не ляпнул чего-нибудь невпопад, я успеваю ответить за него:

– Да вот мы тут собрались кооперативчик организовать. Присматриваем помещение под контору и склад. В своём же доме удобно было бы.

Чувствуется, что весь интерес к нам мгновенно угас. Как же! Ещё одна компания будущих спекулянтов-мироедов. Тот, который из матросов, будет контрабанду из-за границы доставлять, а остальные – прятать и сбывать. Здесь всё ясно.

На работе уломал начальника отдела разрешить мне вынести из учреждения индикатор напряжённости поля. Прибор небольшой. Можно было бы вынести и под полкой, но он единственный в лаборатории. Могут спохватиться. Мотивировал тем, что хочу проверить фон дома на предмет соответствия санитарным нормам.

Вечером все собрались у Ахмеда. Капитан по моей просьбе захватил свой «Практифлекс»⁴ со вспышкой. У меня же в карманах на всякий случай – несколько круглых и плоских кистей с длинным и мягким волосом. Пьём чай с пряниками, но чувствуем себя как на иголках. Встаю. Капитан надевает мне на шею ремешок индикатора и осеняет крестным знаменем.

– С Богом!

– Капитан, а вы в правильном порядке осенили? А то, не дай Бог, может случиться невезуха, – подколот Александр.

Подхожу к шкафу, наступаю ногой на полку и распахиваю дверь в тайник. Выключатель. Свет. Под потолком такие же лампочки, что и в подвальном бункере, но их много – и потому светло. Пыли тоже не так уж много для семидесятилетнего накопления, но видеть детали очень мешает. Строгий порядок размещения приборов, агрегатов. Специально изготовленные для этого помещения с косыми продольными стенами стойки и кронштейны из литой бронзы. Количество полок и их расположение на стойках и кронштейнах можно менять, как это делают и сейчас. Позади приборов тянутся аккуратно закреплённые трубки и провода.

Медленно иду вдоль правого ряда. Вот несколько стоек с очень знакомым по музейным образцам содержимым. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и сопротивления былых лет с путаницей проводов между ними. Подношу датчик. Показания прибора характерны для слаботочных систем. Несколько полок с густо стоящими цилиндрическими и прямоугольными медными коробочками. Излучение тоже очень слабое. А вот и панель управления со множеством миниатюрных перекидных и поворотных переключателей. Их, наверное, около сотни.

А вот интересная штука. Большая спираль из стеклянной трубки с быстро текущей в ней, слегка светящейся зеленоватой жидкостью. Внутри спирали – катушка из медной проволоки, которую можно поворачивать и фиксировать в разных положениях. Сейчас она слегка наклонена относительно оси стеклянной спирали. Излучение вблизи стеклянной спи-

⁴ «Практифлекс» – марка немецких зеркальных фотоаппаратов.

рали довольно сильное, но не опасное, и на расстоянии двадцати сантиметров от неё падает до обычного фона.

Большая застеклённая панель на четырёх ножках с винтами регулировки горизонтальности. Стоящая на тумбе, в которую с панели уходит густая сеть тонких проводов. Что за стеклом – не видно из-за пыли. Достāju широкую кисть и сметаю пыль. Под стеклом белая плата, возможно, из мрамора, который в старину использовали в качестве диэлектрика. Множество, наверное, несколько сотен групп стоящих вертикально контактов. По шесть контактов в группе, расположенных по кругу диаметром сантиметра полтора.

Внутри каждой группы контактов – шарик светлого металла. Шарик танцует. Большинство слегка колеблется, находясь в центре группы контактов и не касаясь их. Некоторые неподвижны и прижаты к какой-либо паре контактов. Некоторые перекачиваются между соседними парами контактов туда и обратно. Некоторые беспорядочно перепрыгивают от одной пары контактов к другой. По функции замыкания/размыкания можно предположить, что всё это – своеобразная система реле. Но какая грандиозная по числу комбинаций! Может поспорить с любой ЭВМ.

Группа из шести больших вариометров⁵ – вставленных друг в друга катушек, внутренняя из которых может на какие-то углы свободно поворачиваться в наружной. Поворачивающие тяги скрываются в подставках. Из чего можно сделать вывод, что управление вариометрами автоматическое.

Ещё одна панель управления или, скорее, переключения. На манер ручного телефонного коммутатора. Несколько рядов контактных гнезд и пара десятков отрезков проводов с наконечниками, беспорядочно воткнутыми в гнезда. Вертикальные ряды гнезд обозначены буквами, а горизонтальные – цифрами.

Несколько стоек, занятых сверху донизу закрытыми плоскими коробками с путаницей проводов и трубок.

В конце помещения на высокой и толстой тумбе лежит полусфера метрового диаметра. Излучение в норме. Сметаю пыль. Полированный гранит. По всей поверхности вдавлены шестигранные бронзовые пластинки с небольшим зазором друг от друга. Трубок не подходит. Только провода в тумбу.

Иду обратно по левому ряду. Несколько стоек плотно забиты металлическими и слегка светящимися, разноцветными стеклянными ёмкостями разного размера и формы с сумасшедшим переплетением трубок и проводов между ними. Даже и не пытаюсь что-нибудь понять.

Ещё пульт управления, но не электрическими токами, а подачей жидкостей. Краны и краники в изобилии. Повороты и положения размечены.

А вот здесь – что-то пульсирующее, светящееся. Фон в норме. Сметаю пыль. Шесть толстых горизонтальных трубок одна над другой. Опять шесть! Почти везде шесть. Слева от них – реостаты с выведенными вперёд ручками регулировки. В трубках происходит что-то таинственное. К левому концу трубки подведён провод, который внутри трубки оканчивается иглой. Правый конец стеклянной трубки переходит воронкой в медную трубку.

Все шесть трубок заполнены зелёной жидкостью разного оттенка. От сочного в верхней до едва зеленоватого в нижней. На конце иглы в верхней трубке загорается искра, медленно растёт в яркий шарик диаметром миллиметров пять. Шарик отрывается от иглы и, также светясь, неспешно плывёт к воронке и исчезает в ней. То же и в других трубках, но всё более и более убыстряясь. В самой нижней шарик отрывается от иглы раньше, чем

⁵ Вариометр – катушка индуктивности особой конструкции, предназначенная для плавной настройки частоты колебательного контура.

два предыдущих скрываются в воронке. Завораживающее зрелище. Индикаторы каких-то параметров, процессов?

Несколько полок с медными шарами, похожими на ежей от множества контактов на поверхности. Есть довольно мощное не высокочастотное излучение, но сильно падающее на небольшом удалении. Даже вплотную для человека не опасно.

Рядом стоит стоймя огромный чёрный, словно каменный, параллелепипед сантиметров семьдесят в ширину, метр в глубину и метра два высотой. От каждого медного ежа в него входит один провод. Или выходит? Индикатор на него не реагирует.

Странно. Две стойки совершенно пусты. Пучки проводов, подходящие к ним, ровнёхонько обрезаны словно лазером. Машинально подношу датчик. Нет даже естественного фона. Убираю датчик от стойки. Естественный фон появляется. Вдвойне странно. Подношу руку – ничего.

И опять катушки, катушки, катушки разных размеров и полноты намотки. Конденсаторы, но многие из них переменные. Множество крошечных реостатов. Вроде всё.

Выхожу из тайника. Пряники все съедены. Четыре пары вопросительных глаз.

– Сколько меня не было?

– Почти два часа, – отвечает Анна Петровна.

– Ну, что я могу сказать? Опасного для нас там ничего нет. Трогать чего-нибудь, что может изменить своё положение, конечно, никак нельзя.

– Капитан чего-нибудь у кого-нибудь за это оторвёт, – добавил Александр.

– Но посмотреть – пожалуйста. Я бы даже рекомендовал провести в тайнике аккуратную уборку. Пыли там до черта. Что нельзя трогать, я очищу сам. Но вперёд пустим Капитана с фотоаппаратом. Пусть заснимет на всякий случай кое-что. И ещё – несколько моих собственных соображений по поводу машины.

Я заметил во всём этом хитроумном хозяйстве две особенности. Не встретилось ни одного знакомого элемента, способного работать на высоких частотах. И второе. Не встретилось ничего похожего на электронные лампы. Хотя их время и подошло тогда. Возможно, Швейцер заранее планировал долгую и автономную работу своей машины. Раз не включил в неё ничего, что могло бы внезапно выйти из строя или баланса. Для кого тогда Швейцер её строил? Ведь для шестидесятилетнего старика большая долговечность машины не так уж важна, а претендентов на неё не проявилось.

И третье. Похоже, что машина использует привычную и понятную нам энергию и физические свойства для того, чтобы питать создание и существование чего-то такого, что наши чувства и приборы регистрировать здесь не могут. Потому и сама машина не требует и не отдаёт большой энергии. Донором для наших миров, созданных воображением, возможно, становится сама Земля, теряя какую-то частицу своей энергии, свойств. Наши миры существуют не где-то в другом времени или пространстве, а в другой форме материи со скопированными от нас формами объектов, включая воображаемые. А машина даёт импульс-команду к преобразованию туда или обратно и для предметов, и для людей. Вот мы и можем чувствовать в иной материи так же, как в родной. Мы сами становимся при переходе иной материей. Из этого вытекает, что даже если сама машина вдруг перестанет существовать, то уже созданные ею миры останутся жить.

И четвёртое. Если я хоть в малой степени прав, то и машина Генриха Швейцера здесь не вся. Какая-то её часть перекочевала в иную материальную неизвестность при запуске. Это и позволяет нам перемещаться туда и обратно. Вероятно, что эта перекочевавшая часть машины находится где-то в мире, который Швейцер создал для себя. Нам его никогда не увидеть.

– Может быть, оно всё и так, – попробовал затеять дискуссию Александр, – однако осуществить такое на том уровне техники...

– Уровень техники, конечно, имеет значение, но не такое, как обычно представляется. Развитие техники расширяет возможности, но ведь законы физики и природные ресурсы в любом случае одни и те же. Важно найти способ использования ресурсов при ограниченных возможностях. Швейцер нашёл. Будем уборкой сегодня заниматься или нет? Скорее, нет. Нужно подготовиться. Хотя бы пылесосы притащить, щётки. Кисточки я дам. Да и поздновато уже. Просто сходите сейчас и посмотрите, с чем придётся иметь дело.

На следующий день, благополучно проведя генеральную уборку, опять все сидим здесь же, у Ахмеда. Пряников – завались. Чая – хоть залейся. Все оживлены и довольны проведённой работой. И действительно, машина выглядит теперь совсем не так уныло, как вчера. Даже сказал бы, что просто празднично. Бронзовые стойки и полки отливают цветом старого золота. Медные коробки, коробочки, шарики, цилиндрики, трубки и трубочки из серых превратились в красные. Латунные детали отличаются светлой желтизной. Жидкости в стеклянных сосудах и трубках тоже обрели краски, а многие – и свечение. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и реостаты тоже перестали быть одноцветными. В общем, картина феерическая. Особенно если погасить свет.

Капитан уже втихаря сбегал домой и, наверное, быстренько проверил, не повредила ли уборка машине. Вернулся успокоенный и благодушный. А я жалею, что не уследил, как он смылся. Интересно было бы посмотреть, что происходит в машине во время переноса. Ладно, ещё поймаю момент. Или попросить кого-нибудь специально?

Анна Петровна разбирает бумаги, обнаруженные в столике-конторке.

– Ничего интересного нет. Только счета за изготовление чего-то и проведение работ. Правда, по тем временам цифры просто огромные.

– Ладно, пусть лежат, где лежали. А раз уж нам так повезло приобщиться к этому чуду, то и будем пользоваться им бесплатно.

ГЛАВА 4: Новелла об охотнике на пиратов

– Знаешь, Сергей, – признался Капитан, – после стольких лет явной и тайной жизни меня всё равно не покидает ощущение нереальности происходящего. Хотя нет, наверное, не так. Реальность фантастичного я давно уже принял как факт. Но с какого-то времени мне каждый раз перед перемещением как-то немного не по себе. Словно за спиной стоит какая-то неопределённая фигура, наблюдает за мной, и от её желания зависит, попаду я в очередной раз в другой мир или нет.

– И это не с самого начала?

– Пожалуй, не с самого. По молодости я бросался туда без всяких раздумий и сомнений. Не занимался самоанализом и не смотрел по сторонам.

– Может, всё дело в рационализме взрослого человека? Он заставляет критически относиться к каждому шагу. И тогда эта неопределённая фигура – вы сами.

– Да, может, ты и прав. Раньше мне было достаточно лишь пребывания там. Потом наступило время, когда меня безудержно потянуло приносить оттуда какие-нибудь вещи на память.

– И что из того? И меня на это тянет. И натаскал бы, если бы у родных не возникло вопросов, откуда они берутся. У нас с вами одна и та же тяга, Капитан. Создать и здесь хотя бы иллюзию, воспоминание тамошнего мира. Что тут ненормального?

Мы сидели у Капитана дня через три после обнаружения машины Генриха Швейцера. Смаковали последние капли вина Колина и болтали о том, о сем. Мама с бабушкой сегодня отбыли в Новгород на похороны бабушкиной сестры, завещавшей маме всё своё имущество. Хлопоты с ним, девятины, визиты по тамошней родне займут, наверное, недели две. На неделю у меня накопилось отгулов на работе, и на неделю я написал заявление за свой счёт. Всерьёз собрался завтра в Верн. Вот и зашёл на дорожку поболтать.

– Капитан, я не вторгнусь во что-то непозволительное, если попрошу вас рассказать о ваших сувенирах оттуда? По вашему выбору.

Капитан встал и начал медленно прохаживаться вдоль рядов своих сокровищ, осторожно беря некоторые из них в руки.

– Этот секстант я снял с напоровшегося на скалы и покинутого командой купеческого корабля. Эта подозрительная труба – единственное, что осталось на память от капитана пиратского корабля, растерзанного собственной же командой. Всё прочее команда тут же поделила между собой. Эту изумительную курительную трубку из чёрного дерева и слоновой кости в виде головы негра мне продал пьяный боцман за серебряную монету и кружку рома. Эта абордажная сабля – обычная сабля. Повседневный инструмент пирата без всякой истории. Просто очень красиво, искусно сделана. Эти карты – не просто карты. Это копии секретных карт английского адмиралтейства. Энергичная публика южных морей предпочитает их всем другим картам и вносит в них свои уточнения.

– Предпочитает? – переспросил я.

– Разумеется. Ведь всё происходит и сейчас. Хотя и не здесь.

– А ваше место в этой публике, Капитан?

– Владелец кабаков, а также скупщик краденого и награбленного.

– Чины немалые, – усмехнулся я.

– Пожалуй, но наиболее приемлемое, что можно использовать при внезапных появлениях и исчезновениях в тех условиях, не возбуждая подозрений. А всё остальное – уже по обстоятельствам.

– Понимаю.

– Вряд ли. Это нужно видеть и ощущать. Хочешь завтра со мной?

Я просто опешил от неожиданности. Туда, к пиратам? Завтра? С Капитаном? Обалдеть! А как же Верн?

– Надолго?

– Как захочешь. Уйти можно в любое время.

Тогда у меня и для Верна время останется. Такой шанс расчувствовавшегося Капитана вряд ли ещё когда подвернётся.

– Ловлю на слове. Во сколько?

– Ну, часиков в девять-десять. Лучше пораньше. Там и позавтракаем.

– Идёт!

Без десяти девять следующего утра Капитан уже впускал меня в дверь.

– Готов?

– Готов.

– Тогда и не будем тянуть. Закрой глаза.

И Капитан положил мне руку на плечо. Обычная лёгкость, замирание чего-то от ощущения движения вверх. Внезапно стало жарко.

– Приехали.

Большая, довольно прилично обставленная комната, по мебели напоминающая кабинет. Через дверь видна и другая комната с большой кроватью. Бездна солнечного света врывается в распахнутые створки выхода на террасу. К ней и подталкивает меня Капитан.

– Пойди, осмотришься вокруг.

Терраса весьма обширная из белого с жёлтыми прожилками камня с парапетом по пояс. Солнце палит нещадно, и только упругий, обволакивающий ветер примиряет с жарой. За парапетом – полого спускающийся к морю серповидный берег, весь застроенный белыми домами самого разного размера, утопающими в зелени. Где-то в середине вычурное строение с колоннами и претензией на классический стиль. Если сверху смотреть – вполне симпатичный городишко. А если посмотреть вверх, то у Капитана здесь приличный и немаленький домишко.

За домами – неправдоподобная синева моря, какой не увидишь даже в Верне. Пара больших кораблей в гавани и множество мелких. Отсюда обзор не во весь горизонт, и не определить, на острове мы или на материке. В правом крае видимого горизонта видна ещё какая-то далёкая земля. В левом тоже.

Позади меня послышались шаги. Капитан в тёмно-синем, вышитом серебром камзоле, голубой рубаше, коротких штанах, смахивающих на зауженные галифе, башмаках с пряжками и шпагой на левом боку выглядит потрясающе. Ему бы ещё парик с косичкой – и был бы стопроцентный, как минимум, эсквайр.

– Мы тебе тут уже подобрали кое-что из пиратских трофеев. Слуга уже сбегал на склад в порту. Иди, переоденься в спальную.

Мне тоже достались туфли с пряжками. Правда, попроще. Длинные серые штаны чуть коротковаты, но ничего. Тёмно-красная рубашка без пуговиц и потёртый, свободный кожаный жилет оказались впору. Простой чёрный пояс с коротким кинжалом в ножнах довершил преобразование. В комнату вошёл негр, молча забрал снятую одежду и растворился где-то в недрах дома. Остался ещё какой-то непонятный предмет. Кожаный мешок с пришитой снаружи к дну сдвоенной верёвкой. Ага, кожаная интерпретация русского вещмешка – сидора. Завязал и одел на плечо.

– Вот то, что надо, – оглядев меня, изрёк Капитан. – Будешь играть роль моего помощника. Какое возьмёшь имя?

– Серж.

– Ну, Серж так Серж. А меня здесь величают сэ́р Виктор или просто Виктор, или даже иногда Вик. В зависимости от обстоятельств. Всё-таки английское владение. Пойдём обратно на террасу. Я тебя немного проинструктирую. Этот кусочек земли называется остров Альберта. Соответственно, город – Порт-Альберт. Вон тот дом с колоннами – резиденция губернатора весьма обширного архипелага. Тварь продажная и неприятная! Хотя порядок на острове поддерживает строгий.

– Мы с ним встретимся?

– Надеюсь, что нет. Сэр Хаксли со мной обходителен из-за моих денег и связей в местных бандитских и торговых кругах, но змея ещё та. Так вот, продолжу о местных порядках. Альберт – место безусловного перемирия. В порт может войти кто угодно. Хоть торговец любой страны, хоть пират. Можно заключать любые сделки, но упаси Боже, затеять какую-нибудь свару, нападение или даже драку в кабаке. Отдельные бунтари попадут не в тюрьму, а на кладбище, а агрессивные команды будут расстреляны вместе с судами. Для этого, видишь, в порту два военных фрегата.

– Суровый порядок.

– Зато спокойно, ибо окружение дальше, за пределами десяти миль будет уже взрывоопасное. Вон тот остров на горизонте справа называется Компас из-за своей продолговатости, вытянутой с севера на юг. На нем город и порт Румпель. На горизонте слева остров Пинта с портом Тринидад. Оба этих порта – пристанище пиратов. При условии, что они не беспокоят местных жителей. Между собой им разрешается делать что угодно, кроме судовых баталий в порту.

Если эти правила нарушаются, то с Альберта быстро прибывает карательная экспедиция и виновники развешиваются на реях, если не успевают смыться. Но этого не было уже давно. Оба острова – удобные и спокойные корсарские базы, если не портить отношений с губернатором. Пираты сами следят за порядком и сами же установили правило, что судно, сделавшее первый выстрел в порту, подлежит немедленному уничтожению всеми, кто только окажется рядом. Уходи из порта и тогда вой с кем угодно и сколько угодно.

– Как я понял, никаких законов тут нет. Даже английских.

– Правильно понял! Кроме одного неписаного закона – язык русский.

– Ну, это само собой.

– Во всех трёх портах у меня таверны и торговые конторы со складами при них. Помнишь у Крылова басню про лебедя, рака и щуку? На Альберте таверна «Рак», на Компасе – «Альбатрос», а на Пинте – «Барракуда». Прибыльное дело. Но главное, что я могу оказаться в любом из этих мест и поэтому никогда неизвестно, есть ли я вообще в каком-нибудь из них. Понимаешь?

– Очень даже неплохая организация видимости присутствия при полном отсутствии.

– Что-то мы заговорились. Пойдём-ка в мой кабак, а то есть хочется.

Спустившись с террасы на несколько ступенек, мы вышли через кованые ворота и пошли вниз по мощёной улице. Таверна «Рак» с вывеской «Таверна „Рак“» с огромной клешней оказалась вполне приличным, чистеньким заведением в пятидесяти шагах от берега. Светлый зал, фарфоровая посуда, цветные скатерти на столах. Не кабак, а тематическое кафе в, так сказать, староанглийском стиле. Сюда не стыдно бы даже с девушкой заглянуть.

– В вашем непотребном заведении, гнезде, предназначенном для разгула и разврата, образцовый порядок, сэ́р Виктор. Как в домашней столовой. Я поражён и обескуражен. Пираты сюда забредают, наверное, без особой охоты. Если судить по литературным произведениям об их порочных, свинских наклонностях. Я даже не удивлюсь, если вон из-за той занавески сейчас выпорхнет юное, хрупкое создание в юбке, с розой в волосах и серебряным подносыком в руках.

Из-за занавески выпорхнул хромой верзила в аккуратной, ухоженной одежде и старательно заковылял к нам.

– Ну вот, вдребезги разбито всё благостное впечатление.

Верзила доковылял до нас.

– Здравствуйте, сэр Виктор.

– Здравствуй, здравствуй, Люк. О делах потом. Познакомься, – мой временный помощник Серж.

Люк доброжелательно кивнул мне, развернулся и заковылял обратно.

– Здравствуйте, сэр Виктор. Ваше утреннее вино, – раздался у меня за плечом мелодичный голосок.

Вовсе не хромая обладательница голоса была юна, хрупка, в юбке, с белой розой в пышных, черных волосах и держала в руках поднос с кувшинчиком и двумя высокими, стеклянными стаканами.

– Познакомься, Марианна, – это мой помощник Серж.

– Очень приятно познакомиться с вами, Серж.

– Марианна, обычный завтрак на двоих.

Марианна упорхнула.

– В заведении есть не одна занавеска, – заметил Капитан, – а что касается привычек и пристрастий пиратов, то они не всегда литературные и с некоторыми сам познакомишься в «Альбатросе» или в «Барракуде». Я же тебе говорил, что Альберт – остров перемирия, а «Рак» – стол переговоров. Ты не представляешь, какими шёлковыми и сговорчивыми становятся самые отпетые головорезы, попав в такую непривычную для них обстановку. Особенно когда перед глазами вон та мудрая надпись.

Я повернул голову. Действительно, на стене крупная надпись: «Если ты что-то хочешь сказать, то прежде подумай, то ли нужно сказать. Если ты хочешь что-нибудь сделать, то прежде подумай, удастся ли тебе после этого вообще что-то делать».

– М-м да-а, сурово, но доходчиво.

Капитан взялся за кувшинчик.

– Не рановато ли для вина? – поинтересовался я.

– Это не вино, а виноградный сок с виноградников на южном склоне острова. Местные жители зовут вином всё, что выжато из винограда. Это, например, утреннее вино. Местная пресная, некипячёная вода скверная на вкус, а пиво вообще отвратительное.

– О, очень даже хороший виноград, – похвалил я, отхлебнув из стакана.

– Однако с твоим сказочным вином не сравнится никогда.

– Ваш завтрак, сэр Виктор. Ваш завтрак, Серж. Куриные ножки и яичница, – пропела Марианна.

Она действительно прелестна. Особенно когда нагибается над столом, и юбка восхитительно облегает нижние округлости. Потрогать, что ли? Что это будет? Небольшая бестактность или недопустимое хамство невоспитанного гостя? Да и сказочные прелестницы непредсказуемы, а рука у них тяжёлая. Мне вспомнился один поучительный случай из кабацкой практики в Верне.

У Капитана в глазах смешинки.

– Правильно, что удержался, – произнёс он, когда девушка ушла. – Марианна строго воспитана, а с её защитниками лучше не иметь конфликтов.

Куриные ножки оказались отменными, яичница – великолепной, а утреннее вино – уместным и приятным.

– Ну что ж, – вставая, произнёс Капитан, – займёмся делами.

За занавеской, за которой скрылся Люк, оказался длинный коридор с множеством дверей. Капитан толкнул одну из них. Нетесная комната без окна со столом, несколькими сту-

льями и большим кованым сундуком в углу. Горят две свечи. Люк встал из-за стола, освобождая хозяину место.

– Докладывай.

– Вот отчёт за три месяца, – сообщил Люк, кладя перед хозяином несколько листов бумаги.

– Расскажи лучше на словах.

– Как вы и распорядились, мы отказались принимать одежду. Слишком хлопотный и неустойчивый сбыт. На итоговые результаты это никак не повлияло.

– Хорошо. Дальше.

– Рыжий Хенк предложил большую партию хороших тканей. Очень большую и очень хороших. Проверил. Взял с хорошей скидкой на то, что здесь столько не сбыть, а в ближайшее место материка их отправлять нельзя. Они туда и шли. Можно засветиться. А отправлять дальше – лишние расходы.

– Так.

– Заплатил ему четверть того, на чем сошлись. Остальное – после продажи. Согласился без звука.

– Отлично.

– Золотая и серебряная испанская посуда и оружие отданы голландскому торговцу с условием продажи в северные страны. Деньги получены.

– Что ещё из крупного?

Люк покосился на меня.

– Говори. Можно, – распорядился Капитан.

– Сто пятьдесят фунтов затребовал капитан «Морского ветра» на ремонт и обновление такелажа. Я дал.

– Правильно.

– Всё, что положено команде, начислено и как обычно – на хранении в надёжном месте. Из непредвиденных расходов – приобретение новой посуды для таверны и расширение стада и птичника. Число посетителей растёт. Всё прочее – легальное и нет – как обычно.

– Итог?

– Шестьсот восемьдесят два фунта стерлингов в пиастрах и дублонах.

Люк полез в сундук и грохнул на стол зазвеневший мешок.

– Отлично. Оставь пока у себя. Нам ещё в Румпель и Тринидад. Заберу, когда вернусь. Все?

– Нет. Вас ищет Ржавый Билл.

– Вот как? – и обернувшись ко мне, – Ржавый потому, что его команда ленится чистить пушки снаружи, и они порыжели. У него три неплохих двадцатипушечных судна.

– Два.

– Что два?

– Два судна у Билла. Третье недавно бесследно пропало. Он уже отчаялся его увидеть. Носится как угорелый по островам и пытается хоть что-то разнюхать.

– Не похоже на Ржавого Билла. Он никогда о потерях так не переживает. Разве что на пропавшей посудине было что-то такое, что потерять было недопустимо. Держи ушки на макушке. Если он опять появится, то скажи, что вечером я буду здесь, а утром опять уплыву. Пусть ждёт, если уж так припёрло.

– Хорошо.

Когда мы вышли из таверны, Капитан спросил:

– Ты понимаешь, что означает рост числа посетителей этой таверны, о котором говорил Люк?

– Что?

– Край пиратский. Прирост может быть только за счёт пиратов. Отребье возжаждало культурного отдыха!

– Вот тебе и литературные наклонности.

Так, переговариваясь, мы подошли к небольшому пирсу с причаленной лёгкой одномачтовой яхтой. Два черных матроса в одинаковой холщовой робе.

– Квали, какой ветер?

– Точно на ост, сэр, но к вечеру, как обычно, переменится к зюйду.

– Тогда сначала на Компас.

– Есть, сэр!

Волны плещутся, солнце печёт, посудинка резво бежит вперёд. Даже качки почти нет. Благодать!

– Какая скорость, сэр Виктор? – интересуюсь я.

– Узлов⁶ десять. Через час будем на месте.

– Я посмотрю у вас и слуги, и матросы – все негры.

– Не все, а одни и те же. Дома они слуги, а в море матросы.

– Экономно.

– И спокойнее.

Входим в гавань. Довольно оживлённо. На рейде десятка два судов без флагов. Два-три довольно больших, а остальные – не очень. Но все с пушками и на всех, которые можно разглядеть, не меньше, чем по двое вахтенных. С некоторых машут нам шляпами, и Капитан отвечает жестом руки. Проскальзываем между судами и пристаём в конце довольно длинного причала. Хотя причаленных судов всего два в противоположной стороне. Оба без пушек – торговые. Около них суeta таскания бочек, мешков и ящиков из ближайшего здания.

Вдоль берега – длинный строй складов и домов, мало похожих на жилые. Широкая улица начинается прямо от причала. Какой-то оборванец сорвался с места и побежал вверх по улице. Высаживаемся и идём туда же. А за спиной наша посудинка отходит от причала метров на десять и бросает якорь.

Вокруг довольно многолюдно. Публика разношёрстная, но в основном не воинственная. Женщин немного, но попадаются, спешащие по хозяйственным делам с сумками и корзинками. Никакого напряжения в воздухе не витает. Обычный портовый город. Лишь изредка парами, тройками лениво проходят с независимым видом фигуры в пёстрой, новой или потрёпанной одежде и заливчатских шляпах, но вооружённые саблями и пистолетами. Некоторые раскланиваются с Капитаном, отвечающим им лёгким кивком головы.

⁶ Узел – мера скорости = 1 морская миля/час. Морская миля = 1852 метра = 10 кабельтовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.